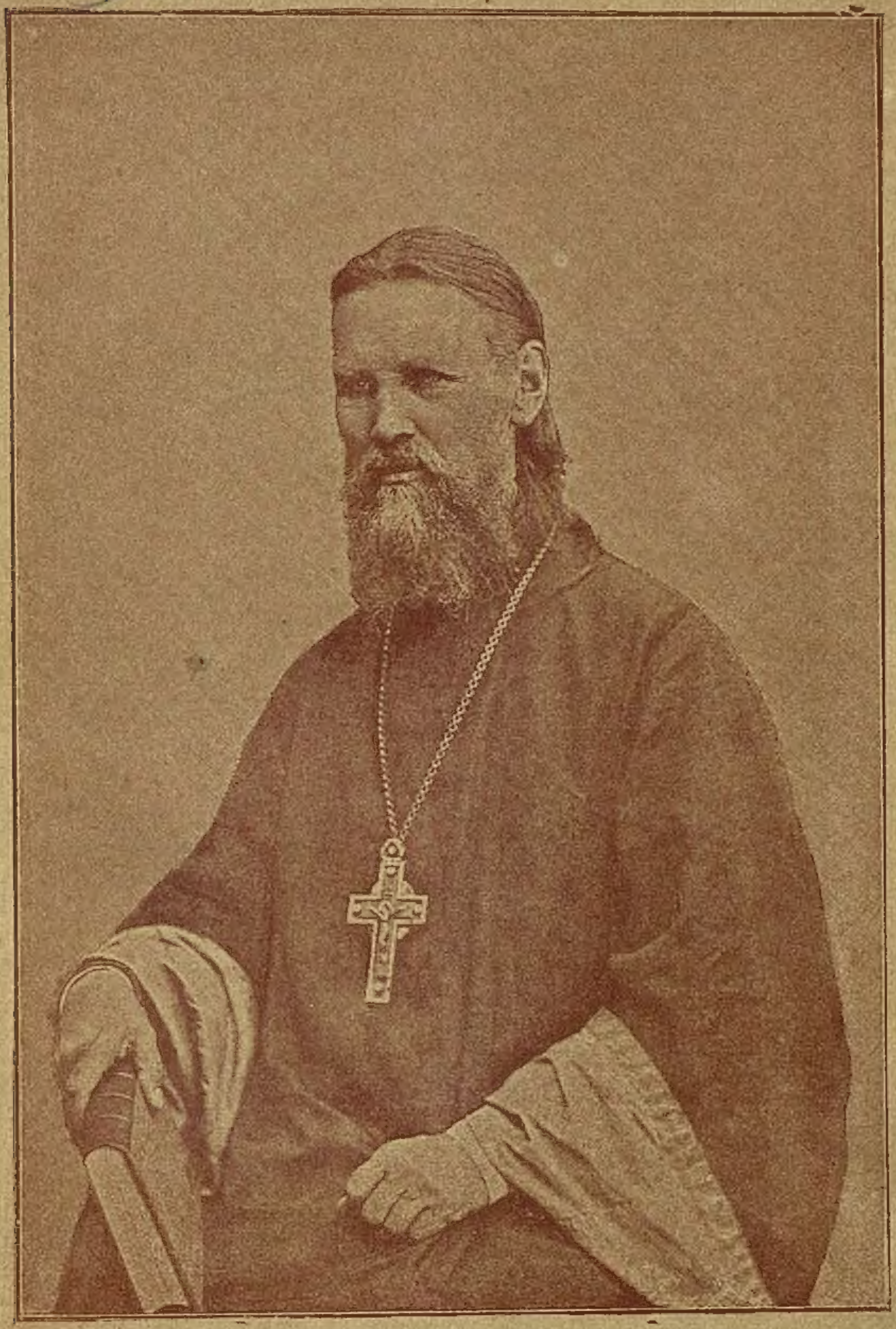
Жизнь и труды
Иоанна,
Кронштадтского.

А 201/789

№ 201/789

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ
ОТЦА ІОАННА СЕРГІЕВА КРОНШТАДТСКАГО.



А 201
789

ЖИЗНЬ и ТРУДЫ
Отца Іоанна Сергіева
КРОНШТАДТСКАГО,
ПРОТОІЕРЕЯ АНДРЕЕВСКАГО СОБОРА.

(По новѣйшимъ источникамъ).

СОДЕРЖАНІЕ:

Глава I. Отецъ Іоаннъ, какъ пастырь. (Его автобіографія)— II. Подвиги милосердія о. Іоанна. (Благотворительныя учрежденія. — Нищіе). III. „Батюшкины овцы“ (Исповѣдники). — IV. Дневникъ, поученія и молитвы о. Іоанна. — V. Примѣры исцѣленія по молитвѣ о. Іоанна.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Верхняя Кисловка, собственный домъ.
1893.

Дозволено Цензурою. Москва, Ноября 4 дня 1892 г.

ГЛАВА I.

Отецъ Іоаннъ, какъ пастырь.

(ЕГО АВТОБІОГРАФІЯ.)

То мужъ на смертныхъ не похожій,
Печать избранника на немъ.
(А. Толстой. Изъ „Грѣшницы“).

Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, это — живая легенда русскаго народа. Его знаютъ вездѣ, о немъ говорятъ всюду; говорятъ и вкривь и вкось; но болѣе всего говорятъ какъ о пастырѣ церкви, который обладаетъ даромъ прозорливости, которому вѣдомы тайны сердца человѣчества, по молитвѣ котораго, наконецъ, вѣрующіе получаютъ помощь. Говорятъ и о его добрыхъ дѣлахъ, которыя неисчислимы. Простой народъ тотъ тысячами и со всѣхъ сторонъ стремится въ Кронштадтъ для того, чтобы получить благословеніе и помощь отъ добраго служителя Божьяго, или исповѣдываться у него. Даже люди, плохо или совсѣмъ не вѣрящіе ни во что, и тѣ нерѣдко какъ то смолкаютъ при имени отца Іоанна и невольно относятся къ нему съ уваженіемъ. Молва о немъ разнеслась далеко и за

предѣлами Россіи: о немъ спрашиваютъ въ Германіи, спрашиваютъ во Франціи.

Популярность его неслыханна.

Въ чемъ же секретъ этой неслыханной популярности, такъ высоко вознесшей надъ толпой этого скромнѣйшаго изъ іереевъ?

Прежде всего, разумѣется, въ томъ же, въ чемъ заключается секретъ вліянія всѣхъ великихъ дѣятелей на самыхъ противоположныхъ поприщахъ—въ цѣломудренной неразрывности слова съ дѣломъ... Идетъ, напр., о. Іоаннъ отъ обѣдни и видитъ бѣдняка въ лохмотьяхъ, безъ сапогъ, голоднаго и продрогшаго... О. Іоаннъ разспрашиваетъ его, убѣждается въ правдивости его нищеты, отправляется вмѣстѣ съ нимъ на рынокъ, чтобы купить ему сапоги и платье, и одѣляетъ его по мѣрѣ возможности деньгами. Встрѣчаетъ о. Іоаннъ на другой день какую нибудь несчастную, которая съ плачемъ объявляетъ ему, что у ней мужъ при смерти, дѣти второй день не ѣли и что сама она совершенно выбилась изъ силъ, — онъ, не долго думая, идетъ съ женщиной въ лавку, чтобы закупить провизіи, заходитъ въ аптеку за лекарствомъ мужу и затѣмъ, розыскавъ лачугу несчастной, молится надъ больнымъ, всѣхъ утѣшаетъ, и вдобавокъ на другой же день присылаетъ семьѣ усиленную денежную помощь, и т. д. до безконечности.—Вотъ тѣ маленькія, безсчетныя ступени, по которымъ слава кронштадскаго іерея, на протяженіи почти четверти вѣка, поднималась все выше и выше, принимала одновременно, какъ и его дѣятельность, все болѣе широкіе размѣры и, отмѣченныя въ

свой позднѣйшій и совершеннѣйшій періодъ божественной щедростью и вѣрою, сдѣлали отца Іоанна живой легендой русскаго народа.

Но біографія отца Іоанна поражаетъ своей трогательной несложностью.

Самъ о. Іоаннъ сообщилъ подробную свою автобіографію издателю журнала „Сѣверъ", гдѣ она и была напечатана въ 1888 году.

„Я—сынъ причетника Архангельской губерніи, села Сурскаго, и родился въ 1829 году. Вотъ, нисколько не подготовленный къ школѣ, едва умѣвшій читать по складамъ, я поступилъ въ архангельское приходское училище своекоштнымъ воспитанникомъ въ 1839 году, на десятомъ году возраста. Туго давалась мнѣ грамота: руководителей ближайшихъ не было, до всего долженъ былъ доходить самъ. Не малая скорбь была у меня по поводу моей непонятливости. Но съ дѣтства, будучи пріученъ примѣромъ отца и матери къ молитвѣ, я былъ благочестиво настроеннымъ мальчиковъ и любилъ молитву и богослуженіе, особенно — хорошее пѣніе. Скорбя о неуспѣхахъ ученія, я горячо молился Богу, чтобы Онъ далъ мнѣ разумъ,—и я помню, какъ вдругъ спала точно завѣса съ моего ума и я сталъ хорошо понимать ученіе. Чѣмъ больше я возрасталъ, тѣмъ лучше и лучше успѣвалъ въ наукахъ, такъ что почти изъ послѣднихъ возвысился до перваго изъ учениковъ, особенно въ семинаріи, въ которой окончилъ курсъ первымъ студентомъ въ 1851 году, и былъ посланъ въ петербургскую Духовную Академію на казенный счетъ. Въ академическомъ правленіи тогда занима-

ли мѣста письмоводителей студенты, за самую ничтожную плату (около 10 р. въ мѣсяцъ) и я, имѣя мать, бѣдную вдову, нуждающуюся въ моей помощи, на предложеніе секретаря академическаго правленія, съ радостью согласился занять это мѣсто. Окончивъ курсъ кандидатомъ богословія въ 1855 году, я поѣхалъ священникомъ въ Кронштадтъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, женившись на дочери мѣстнаго протоіерея, К. П. Несвицкаго, Елизаветѣ, находящейся въ живыхъ и доселѣ; дѣтей у меня нѣтъ и не было. Съ первыхъ-же дней своего высокаго служенія Церкви, я поставилъ себѣ за правило: сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу, пастырству и священнослуженію, строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнью. Съ этою цѣлью прежде всего я принялся за чтеніе Священнаго писанія Ветхаго и Новаго завѣта, извлекая изъ него назидательное для себя, какъ для человѣка, священника и члена общества. Потомъ я сталъ вести дневникъ, въ которомъ записывалъ свою борьбу съ помыслами и страстями, свои покаянныя чувства, свои тайныя молитвы ко Господу и свои благодарныя чувства за избавленіе отъ искушеній, скорбей и напастей. Въ каждый воскресный и праздничный день я произносилъ въ церкви слова и бесѣды, или собственнаго сочиненія, или проповѣди митрополита Григорія. Нѣкоторыя изъ моихъ бесѣдъ изданы, а весьма много осталось въ рукописи. Изданы: бесѣда „О Пресвятой Троицѣ“, „О сотвореніи міра“, „О Промыслѣ Божіемъ“, „О мірѣ“ и „О блаженствахъ Евангельскихъ“. Кромѣ проповѣдничества, съ самаго начала священничества

я возымѣлъ попеченіе о бѣдныхъ, какъ и самъ бывшій бѣднякомъ, — и лѣтъ около двадцати назадъ провелъ мысль объ устройствѣ въ Кронштадтѣ „Дома трудолюбія“ для бѣдныхъ, который и помогъ Господь устроить лѣтъ 15 тому назадъ. И все“.

И все! скажемъ и мы вслѣдъ за почтеннымъ пастыремъ, такъ просто и такъ краснорѣчиво оканчивающимъ свою автобіографію. Чего же болѣе? Скромный пастырь и не могъ сказать о себѣ ничего болѣе. Но стоустная молва не такова. Она узнала о почтенномъ пастырѣ много такого, чего, заговоривъ объ о. Іоаннѣ, нельзя оставить безъ вниманія, такъ-какъ оно кладетъ глубокую печать на его дѣятельность.

Публика обратила свои взоры на Андреевскій соборъ въ Кронштадтѣ только 15 лѣтъ тому назадъ, когда случаи помощи больнымъчрезъ о. Іоанна, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, стали повторяться почти ежедневно и сдѣлались достояніемъ печати. „Московскія Вѣдомости“, „Петербургскій Листокъ“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и нѣкоторыя духовныя изданія помѣстили въ 1875 г. не менѣе 100 описаній разныхъ случаевъ изъ жизни и дѣятельности отца Іоанна съ указаніемъ и ссылками на живыхъ свидѣтелей. Здѣсь не можетъ быть мѣста вымысламъ или недоразумѣніямъ и мы вправѣ сослаться на такое свидѣтельство свѣтской и духовной печати. Помимо этого десятки тысячъ очевидцевъ передаютъ изъ устъ въ уста свои собственныя впечатлѣнія и разсказы о разныхъ происшествіяхъ, при которыхъ они сами присутствовали.

Но и самъ о. Іоаннъ, вслѣдствіе ли усиленныхъ за-

нятій или простуды, однажды тяжко занемогъ. Врачи опасались за его жизнь, но онъ славилъ Бога, и былъ совершенно спокоенъ.

Да, хвалить Бога тогда, когда другіе способны только роптать,—благодарить, когда другіе въ состояніи только унывать, скорбѣть,—да, это подвигъ великій. Если велико предъ Богомъ, когда дарятъ благо и чувствуютъ Его милость въ здоровомъ состояніи, то благодарить Его въ состояніи болѣзненномъ,—это самая высшая степень добродѣтели. Многіе и въ счастіи не хотятъ восхвалить Его, а тутъ хвалятъ Его въ несчастіи,—многіе забываютъ о Богѣ, когда Господь, видимо, ощутительно для всѣхъ проявляетъ свою любовь къ нимъ, а здѣсь помнятъ и ни на минуту не хотятъ забывать Его тогда, когда повидимому самъ человѣкъ совершенно забытъ Богомъ,—да, такое поведеніе въ болѣзни—это верхъ совершенства духовнаго,—тутъ спасеніе несомнѣнно. Скорѣе мать забудетъ отроче свое, чѣмъ Богъ такого терпѣливца, такого покорнаго, такъ горячо любящаго Его, такъ неизмѣнно преданнаго Ему. Когда въ болѣзни слышится не ропотъ, а хвала и благодареніе Господу, это значитъ, что тутъ любовь къ Богу крѣпка, какъ мѣдь; союзъ со Христомъ тѣсенъ такъ, что никто и ничто расторгнуть его не можетъ,—тутъ лжи ни малѣйшей, тутъ истинная добродѣтель. Такому человѣку остается только ждать награды.

Долго длилась болѣзнь о. Іоанна. И вотъ что самъ пастырь говорилъ о своей болѣзни:

„Подлинно, Самъ Богъ указываетъ наивѣрнѣйшій

путь въ царствіе небесное, когда посылаетъ продолжительныя болѣзни избранникамъ своимъ. Болѣзни очень спасительны для насъ въ нашемъ состояніи. Никогда мы не можемъ такъ легко избѣжать многихъ грѣховъ, какъ въ болѣзни. Какіе грѣхи всего болѣе безпокоятъ насъ? Самолюбіе, своекорыстіе, сладострастіе, чревоугодіе. Но скажите: чѣмъ будетъ гордиться больной? Не смиренное ли сознаніе своихъ немощей, не надежда ли на Единаго Бога, Помощника слабыхъ и немощныхъ, всего приличнѣе ему въ его положеніи? Чревоугодіе, сладострастіе? но не замираютъ ли они совсѣмъ въ больномъ и разстроенномъ организмѣ страдальца? Возьмемъ человѣка, страждущаго лишеніемъ зрѣнія. Великое несчастіе! Но при этомъ несчастіи не обладаетъ ли онъ нѣкоторою долею счастія? Не можетъ ли онъ считать себя вполнѣ свободнымъ отъ грѣховъ неосторожнаго воззрѣнія на предметы соблазнительные, порождающіе въ душѣ зрителя или зависть, или похоть вредную. А страждущій лишеніемъ слуха отъ сколькихъ грѣховъ дѣлается свободнымъ именно потому, что онъ не имѣетъ возможности слышать многое такое, что возмущаетъ духъ, оскверняетъ умъ и сердце. Да, если когда, то въ болѣзни всего менѣе у насъ возможности ко грѣху, въ болѣзни всего болѣе средствъ убѣгать его. Правда, у всякаго больного остается возможность погрѣшать словомъ, мыслями, желаніями,— но трудно держать долго грѣховныя помышленія, когда не видится надежды на ихъ осуществленіе, и рѣдко порождаются они, когда умъ скорѣе устремляется на другое, погружается въ размышленіе о скоротечно-

сти жизни, о суетности всего земного, когда онъ ищетъ болѣе прочнаго, постояннаго, неизмѣннаго, вѣчнаго. Да, никогда такъ ясно не чувствуется пустота всѣхъ временныхъ исканій, стремленій, всѣхъ земныхъ радостей, грѣховныхъ наслажденій—никогда, какъ на одрѣ болѣзненномъ. Только одни закоснѣлые во грѣхахъ не приходятъ къ такимъ размышленіямъ и не оставляютъ въ болѣзни любви къ радостямъ мірскимъ—не чистымъ."

Особенно яркую черту на всю жизнь и нравственный образъ почтеннаго пастыря налагаютъ любовь и состраданіе его къ страждущей братіи. Всѣ скорбящіе, болящіе и нуждающіеся удостоиваются особеннаго его вниманія и милости. Кто бы ни обращался къ о. Іоанну съ просьбой о помощи въ своей нуждѣ или скорби, онъ всегда встрѣчалъ сердечную доброту, откликъ и теплое участіе къ себѣ.

Лично пріѣзжающіе къ отцу Іоанну въ Кронштадтъ для исповѣди или молитвы прежде имѣли совершенно свободный легкій доступъ, потому что батюшка принималъ вездѣ, гдѣ приходилось его встрѣтить: на улицѣ, въ храмѣ, у себя дома; мало того, о. Іоаннъ самъ приходилъ въ общія квартиры, гдѣ останавливались пріѣзжавшіе къ нему труждающіеся и обремененные и здѣсь, по возможности, удовлетворялъ всѣ просьбы и нужды „дѣтей" своихъ.

Но съ годами росла популярность скромнаго кронштадскаго пастыря, увеличивались толпы его почитателей и постепенно становилось все труднѣе добиться личнаго свиданія. Явились посредники между батюшкой

и желающими его видѣть, преслѣдующіе въ большинствѣ личныя матеріальныя цѣли.

Въ большинствѣ случаевъ теперь отца Іоанна ловятъ на ходу: вручаютъ ему записку и просятъ помолиться или заѣхать; тѣ, кто можетъ—ѣдутъ сами въ Кронштадтъ, а живущіе далеко—списываются почтой или телеграфомъ. О. Іоаннъ ежедневно получаетъ спеціальную почту, которую возятъ изъ почтамта на квартиру секретаря (флотскаго офицера) *платяными корзинами*. Телеграммы и денежныя письма имѣютъ преимущество; ихъ распечатываютъ сейчасъ же и секретарь выписываетъ имена на особую лентообразную бумагу, которую и вручаетъ о. Іоанну передъ совершеніемъ литургіи для поминанія за вынутіемъ просфоръ. На другую лентообразную бумагу выписываются адреса просящихъ посѣщенія, которые подносятся батюшкѣ послѣ богослуженія и просматриваются имъ въ алтарѣ, прежде начала посѣщеній; тяжко больные и умирающіе получаютъ при этомъ предпочтеніе. Послѣ телеграммъ и денежной почты, секретарь и его помощники приступаютъ къ платяной корзинѣ простыхъ писемъ, изъ которыхъ дѣлаются новыя выборки на бумагу въ послѣдовательномъ порядкѣ. Если не хватаетъ физическихъ силъ справиться со всей почтой, то послѣднія пачки писемъ, называются лишь счетомъ.

— Столько-то нераспечатанныхъ!

Послѣднія 5—6 лѣтъ бесѣдовать съ о. Іоанномъ у него на дому стало совершенно невозможно, потому что онъ выходитъ изъ дому въ шестомъ часу утра, а возвращается лишь поздно ночью, измученный и уста-

лый: завтракать или обѣдать онъ попадаетъ домой, можетъ быть, въ году нѣсколько разъ: для отдыха же или визитовъ его абсолютно никогда не бываетъ дома. Въ церкви, когда служитъ о. Іоаннъ, бываетъ такая масса народа, что развѣ только въ алтарѣ можно перекинуться нѣсколькими фразами: при выходѣ же приходится думать только какъ бы добраться до экипажа...

Остаются, слѣдовательно, страннопріимные дома, если нельзя или трудно дождаться посѣщенія батюшки на дому.

Страннопріимныхъ домовъ въ Кронштадтѣ шесть и всѣ болѣе или менѣе тождественны между собою по одному, такъ сказать, типу. Это большія квартиры съ общими комнатами и отдѣльными номерами; распорядительницами и завѣдующими фигурируютъ женщины, за которыми скрываются настоящіе хозяева; порядокъ и правила въ этихъ пріютахъ напоминаютъ страннопріимные дома при провинціальныхъ монастыряхъ, но, разумѣется, съ внѣшней только стороны.

Бѣдняки, пріѣзжающіе въ Кронштадтъ, пользуются общими помѣщеніями, гдѣ за 10—15 копѣекъ они имѣютъ койку или постель съ соломеннымъ матрацомъ и два чайника кипятку; такъ какъ провизія, чай и сахаръ у такихъ богомольцевъ свой, то весь расходъ ихъ и ограничивается платою за ночлегъ съ кипяткомъ, да еще 5—10 к. за право присутствовать на молебствіи о. Іоанна и получить его благословеніе. Въ общихъ помѣщеніяхъ не полагается какого либо комплекта и мущины не отдѣляются отъ женщинъ, или взрослые отъ дѣтей; всѣ напускаются въ кучу „сколь-

ко пріѣхало"; если не хватаетъ коекъ—стелютъ матрацы на полу. Никакихъ ропотовъ или протестовъ за тѣсноту не бываетъ, потому что богомольцы проводятъ на ночлегѣ всего нѣсколько часовъ;—въ пятомъ часу утра всѣ уже отправляются въ церковь.

Лица болѣе состоятельныя занимаютъ отдѣльные номера, съ правомъ „просить батюшку" войти въ номеръ для бесѣды наединѣ. Содержатели страннопріимныхъ домовъ хорошо понимаютъ, что это „право", какъ единственная возможность поговорить съ о. Іоанномъ, стоитъ для нѣкоторыхъ большихъ денегъ и еще большихъ стараній: иные пріѣзжаютъ за тысячи верстъ только для этого „права" и имъ, конечно, ничего не значитъ заплатить, хотя бы десятки рублей за номеръ. Эти-то богомольцы и составляютъ главную доходную статью страннопріимныхъ домовъ; опытные содержатели видятъ ихъ сейчасъ же по облику, костюму, разговору, пріемамъ и случается, что одинъ и тотъ же номеръ мѣняетъ нѣсколько разъ постояльцевъ. Пріѣдетъ, напримѣръ, петербуржецъ, сторгуется, займетъ комнату и только что прилегъ отдохнуть—стукъ въ дверь.

— Потрудитесь, милый человѣкъ, очистить номеръ.

— Почему?

— Нуженъ номеръ. Не надо и денегъ — уходите скорѣй...

Оказывается—пріѣхалъ харьковецъ. Если же случай принесетъ сибиряка или знакомаго щедростью купца, то харьковецъ выпроваживается съ тою же безцеремонностью.

По таксѣ, отдѣльная комната стоитъ отъ 1 до 5

рублей въ сутки, но постояльцу комната всегда обойдется вдвое или трое дороже; здѣсь берется за все, кромѣ права дышать спертымъ, тяжелымъ воздухомъ, плата за который входитъ уже въ цѣну комнаты.

Куреніе табаку воспрещено въ страннопріимныхъ домахъ безусловно.

По поводу этихъ страннопріимныхъ домовъ часто слышатся негодующіе протесты:

— Какъ это позволяетъ о. Іоаннъ торговлю своею личностью и своими услугами; вѣдь знаетъ же онъ о гешефтахъ окружающихъ лицъ?!..

Да, *знаетъ*. Знаетъ все это кронштадтскій пастырь и ведетъ постоянную борьбу со зломъ, но физическихъ силъ не хватаетъ справиться со всѣми окружающими хищниками, которымъ прежде всего помогаютъ сами же почитатели батюшки. Былъ, напримѣръ, случай, когда о. Іоаннъ объявилъ, что онъ не станетъ посѣщать одного страннопріимнаго дома. И между тѣмъ ежедневно нѣсколько десятковъ пріѣзжихъ ждали его въ этомъ домѣ, умоляя пріѣхать. Прогонитъ онъ какого нибудь хищника и затѣмъ десятки почитателей неотступно начинаютъ просить за прогнаннаго, а послѣдніе бѣгаютъ за батюшкой, на колѣняхъ заливаясь слезами.

Посѣщеніе отцомъ Іоанномъ страннопріимныхъ домовъ представляетъ на столько любопытную картину, что мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на ней, пользуясь разсказомъ очевидца, который весьма недавно посѣтилъ городъ Кронштадтъ съ цѣлью увидать отца Іоанна. *)

---

*) Сборникъ Нивы за 1892 г., кн. 10 „У отца Іоанна Кронштадтскаго.“

„Монастырекъ (т. е. страннопріимный домъ) Матрены Марковны,—разсказываетъ очевидецъ,—въ ожиданіи пріѣзда о. Іоанна, принялъ совсѣмъ праздничный видъ. Всѣ комнаты были вымыты, вычищены и прибраны на удивленье. Буквально вокругъ все сіяло: сіяли оклады иконъ, сіяла своей бѣлизной скатерть молебнаго столика, сіяли мѣдныя ручки у дверей, даже стоявшій на моемъ окнѣ погнутый оловянный подсвѣчникъ сіялъ на солнцѣ какъ именинникъ. Но самое главное сіяніе было, разумѣется, на лицахъ паломниковъ и поломницъ, собравшихся воедино, въ сосѣдней съ моей каморкой просторной горницѣ. (Благодаря отдѣльному помѣщенію, я отвоевалъ себѣ счастливую привилегію на отдѣльный молебенъ съ тайной надеждой побесѣдовать съ о. Іоанномъ хотя бы пять минутъ съ-глазу-на-глазъ, тогда какъ мои сосѣди терпѣливо разсчитывали на общую для всѣхъ молитву).

Паломницы рѣшительно преобладали надъ паломниками, и всѣ онѣ были разодѣты по-праздничному—въ яркихъ платкахъ и пестрыхъ ситцахъ, принадлежа исключительно къ простому классу. Мужчинъ было всего человѣкъ шесть и при этомъ самаго смѣшаннаго положенія: одинъ купецъ, одинъ солдатъ, двое мастеровыхъ, какой-то осунувшійся человѣкъ съ синимъ подбородкомъ, повидимому, провинціальный актеръ, и наконецъ нѣкій чиновникъ неизвѣстнаго мнѣ вѣдомства съ сыномъ-подросткомъ въ гимназическомъ мундирчикѣ. Этотъ чиновникъ невѣдомаго вѣдомства, желтый и худощавый, со сгорбленнымъ носомъ, черными, закрученными кверху усами и небольшими безпокойно бѣгающими

глазками, живо походилъ на коварнаго опернаго Мефистофеля. Вдобавокъ—по всей вѣроятности, чтобы обратить на себя преимущественное вниманіе отца Іоанна—онъ былъ въ полномъ парадѣ: въ мундирѣ съ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ, въ орденахъ и при шпагѣ.

Центромъ общаго вниманія служила всекопечно Матрена Марковна, которая въ настоящую торжественную минуту являла собой прямое подобіе матери-командирши своего „духовнаго экипажа". И надо отдать справедливость Матренѣ Марковнѣ—въ этой героической роли она была рѣшительно великолѣпна! Выряженная въ какое-то необыкновенно полосатое платье, съ связкой ключей въ лѣвой рукѣ и чистой тряпкой въ правой, она носилась изъ комнаты въ комнату, какъ вихрь: въ одной комнатѣ она что-то отпирала и доставала, въ другой что-то убирала и запирала; въ одномъ мѣстѣ она начинала вдругъ усиленно размахивать своей тряпицей, тогда какъ въ другомъ также внезапно останавливалась, точно въ столбнякѣ и, съ минуту подумавъ, бросалась прибирать на столѣ, приготовленномъ для молебна, или хваталась за полотенце и въ сотый разъ принималась перетирать чайную чашку, приготовленную для „батюшки". Между дѣломъ она всегда успѣвала пошептаться по секрету съ той или съ другой бабой, или стремительно подбѣгала къ окну и тревожно вглядывалась: не ѣдетъ ли?—На улицѣ въ это время стояла сторожемъ бабенка, которая всматривалась въ даль не видать ли дрожекъ съ о. Іоанномъ. Она часто совсѣмъ неуловимо исчезала въ

сосѣдній переулокъ, затѣмъ вылетала оттуда сломя голову въ ворота и на крыльцо и, приставивъ руку къ губамъ на манеръ трубы, голосила: „Проѣхалъ къ Мѣшковымъ!“ или „Молебствуетъ у Глушковыхъ!“ А то въ другой разъ раздавался со двора ея пронзительный крикъ: „Ѣдетъ! Ѣдетъ!“—и всѣ бросались толкаясь къ окнамъ и отлично видѣли какъ пролетка съ отцомъ Іоанномъ и псаломщикомъ промелькивала мимо, можетъ-быть въ другой конецъ города. При каждой такой ложной тревогѣ я выбѣгалъ во дворъ и неизмѣнно находилъ у воротъ Ѳедосію Минаевну въ трагической позѣ безнадежнаго отчаянія, со съѣхавшимъ на сторону платкомъ, слезливо шепчущую:

— Что же это? Опять мимо! Опять!..

Такихъ ложныхъ тревогъ было цѣлыхъ пять.

Въ ожиданіи пріѣзда „батюшки“, хозяйка дома разсказала кое-что про его прозорливость:

— Ахъ, батюшка, батюшка! говорила она. Все-то онъ и всѣхъ-то онъ видитъ, какъ сквозь стеклышко! Да вотъ что я вамъ сейчасъ скажу. Стояла тутъ у меня на прошлой недѣлѣ молоденькая барышня изъ Петербурга, писаная красавица и ужасти какъ безпокойная на счетъ своей личности: каждую минутку все въ карманное зеркальце охорашивалась, чтобы, Боже сохрани, какого махонькаго пятнышка гдѣ не оказалось. Вотъ и захотѣла она подъ „батюшкино“ благословеніе подойтить; но чтобъ, значитъ, не выказать своего аристократства, выпросила у меня, чтобъ покрыться, простой бабій платокъ. А батюшка возьми да и переконфузь прелестницу. Проходитъ мимо ея,

да такъ, будто нечаянно, потрепалъ ее по платку и говоритъ: „Ай, милая, да вѣдь у тебя пятнышко на носикѣ, чтобы тебѣ смахнуть скорѣй!“

Наконецъ въ горницу влетѣла совершенно растерянная Ѳедосья Минаевна (сторожиха) и съ радостнымъ изступленіемъ возопила:

— *Пріѣхалъ!*

Въ одинъ мигъ всѣ люди, столь мирно сидѣвшіе и славословившіе, точно отъ прикосновенія электрическаго тока повскакали со своихъ мѣстъ и стали метаться по комнатѣ, блѣдные и потерянные. Чиновникъ-Мефистофель схватилъ въ охапку своего подростка-гимназиста и опрометью кинулся на кухню... Но, увы! Матрена Марковна преградила ему дорогу на самомъ порогѣ.

Дѣло въ томъ, что о. Іоаннъ дѣйствительно пріѣхалъ, но прошелъ наверхъ, въ сосѣднее убѣжище, къ какой-то пріѣзжей больной дамѣ.

Народное волненіе слегка улеглось.

Воспользовавшись этимъ счастливымъ моментомъ, Матрена Марковна быстро вошла въ мою комнату, захлопнула обѣ половинки двери, выходившей въ общую горницу, и забаррикадировала ихъ отъ всякой случайности громоздкимъ стуломъ. Затѣмъ она наклонилась къ самому моему уху и таинственно мнѣ шепнула:

— Батюшка безпремѣнно къ вамъ первымъ взойдетъ... Такъ ежели вы имѣете къ нему какое особое дѣло, я могу предупредить его въ томъ самомъ смыслѣ.

Я поблагодарилъ ее за обязательность и пояснилъ, что о своемъ дѣлѣ предполагаю разсказать отцу Іоанну

наединѣ. Матрена Марковна ничуть не переконфузилась и дѣловито замѣтила:

— Нѣтъ, вѣдь это я къ тому, что другой потеряется съ непривычки и не сможетъ набрать нужныхъ словъ, а вѣдь батюшкѣ, сами понимаете, некогда! Ну, да Богъ милостивъ, все обойдется благополучно! вздохнула она и, уходя, какъ бы про себя добавила:—Вотъ помяните мое слово, къ вамъ первымъ взойдетъ!

И энергически захлопнула за собою дверь, въ которую съ минуты на минуту могъ войти о. Іоаннъ...

Я взглянулъ на часы: стрѣлка показывала „половину третьяго“...

Я пощупалъ свое сердце: оно билось усиленно и радостно тревожно... Почувствуй я въ это мгновеніе на днѣ его хоть каплю лжи и невѣрія, — я бы, кажется, не задумываясь, растворилъ окно и бѣжалъ безъ оглядки.

Прошло еще десять томительныхъ минутъ, показавшихся мнѣ цѣлою вѣчностью,—и вдругъ въ корридорѣ послышался какой-то глухой шумъ, чей-то пронзительный вопль, неистовые крики: „Батюшка, спаси!.. Батюшка, благослови!..“ и дверь въ мою каморку распахнулась...

Вошелъ отецъ Іоаннъ.

Какъ сейчасъ помню, онъ вошелъ очень стремительно, молодой и спѣшной походкой, съ горящимъ пронизывающимъ взоромъ, съ яркимъ румянцемъ въ нервно вздрагивавшихъ щекахъ, съ разметавшейся по затылку русой прядью... Во всей его фигурѣ, въ его движеніяхъ, въ первомъ звукѣ его голоса, чувствова-

лась какая-то непередаваемо-чудесная вдохновенность человѣка, еще не остывшаго отъ недавняго молитвеннаго порыва, возвышенно разгоряченнаго своей властной дѣятельностью, страстно готоваго на новые безчисленные подвиги... Теперь передо мной предсталъ точно совсѣмъ новый отецъ Іоаннъ, чѣмъ тотъ котораго я наблюдалъ всего нѣсколько часовъ тому назадъ въ думской церкви,— и въ этотъ одинъ неуловимый ошеломляющій мигъ я вдругъ понялъ его всего, во всемъ его героическомъ величіи, какъ никогда, быть можетъ, мнѣ не случилось бы его понять въ другія, болѣе спокойныя минуты. Я понялъ глубоко и неопровержимо одно: если бы этому человѣку сейчасъ сказали, что, по окончаніи общаго молебна у Матрены Марковны, онъ осужденъ врагами вѣры къ сожженію на кострѣ,—онъ бы отслужилъ молебенъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и, не моргнувъ глазомъ, такъ же смѣло и просто взошелъ бы на костеръ, какъ вошелъ сейчасъ въ мою комнату...

Не знаю отчего, но мнѣ ужасно обидно, что я не помню, какого цвѣта тогда была на немъ ряса и какіе кресты украшали грудь... Да, я ничего этого не помню, потому-что всецѣло охваченъ былъ лишь однимъ: *какъ* онъ вошелъ, *какъ* взглянулъ и какъ вслѣдъ затѣмъ около меня раздался властный и отечески проникновенный голосъ:

— Ну, говорите, что вамъ нужно?

Разумѣется, я сказалъ, что мнѣ было нужно, разумѣется, отецъ Іоаннъ прочелъ молитву и собесѣдовалъ...

Но скажу, что я былъ совершенно подавленъ и унич-

тожепъ великимъ сердцевѣдѣніемъ кронштадскаго пастыря... Да, этотъ человѣкъ, только что вошедшій и въ первый разъ въ жизни меня видѣвшій, черезъ какія нибудь пять минутъ говорилъ со мною такъ, какъ будто жилъ подъ одной со мною кровлей добрый десятокъ лѣтъ... И, вдобавокъ, какимъ голосомъ говорилъ! Отъ котораго сердце дѣтски раскрывалось и размягчалось, какъ воскъ, и невольныя слезы сдавливали горло и мѣшали вырваться въ словахъ накипѣвшей признательности.—Въ заключеніе своего краткаго собесѣдованія, о. Іоаннъ крѣпко поцѣловалъ меня въ лобъ, и промолвилъ:

— Спасибо за довѣріе, голубчикъ!.. За довѣріе спасибо!..

Бѣдные мои сосѣди, какъ они, должно быть, истомились во время моего собесѣдованія съ „батюшкой", хотя, въ общемъ, оно не превышало и двадцати минутъ! Что за дверью подслушивали — это было несомнѣнно, т. е. собственно подслушивали не содержаніе бесѣды, которая велась вполголоса, а очевидно старались по звукамъ голосовъ и движеній приблизительно угадать, скоро-ли предстоитъ ея окончаніе. Поэтому, когда отецъ Іоаннъ произнесъ свое трогательное заключительное слово громко и отчетливо, стулъ, баррикадировавшій сосѣднюю дверь нервно задвигался, обѣ половинки ея какъ-то жалобно заскрипѣли и, вдругъ, совершенно неожиданно—такъ что я едва успѣлъ подхватить стулъ, чтобы онъ не упалъ подъ ноги батюшкѣ,—съ шумомъ распахнулись, и на порогѣ стѣснилась многоголовая разноголосая толпа. Но какъ разъ,

въ это самое мгновеніе, явилась, откуда ни возьмись, Матрена Марковна.

Властнымъ жестомъ заставила она толпу отступить, правой рукой захлопнула одну половинку двери, а лѣвой вытащила изъ толпы за рукавъ какого-то очень жалкаго на видъ субъекта въ засаленномъ пиджакѣ и короткихъ панталонахъ, съ опухшей физіономіей и фіолетовымъ носомъ.

— Вотъ, батюшка, запричитала она низко кланяясь,—племянникъ мой, сапожникъ, о которомъ я вамъ онамеднясь докладывала... Пьетъ безъ просыпу, то есть жаднѣе на водку, чѣмъ овца на зелень. И до тѣхъ поръ, говоритъ, буду испивать, пока батюшка не благословитъ снять съ него мѣрку для сапогъ... Какъ, говоритъ, сниму съ него мѣрку — такъ, говоритъ, и всю болѣзнь съ меня разомъ сниметъ!..

Отецъ Іоаннъ оглядѣлъ отечески-строго трепещущаго какъ листъ племянника Матрены Марковны.

— Правду она говоритъ?

Тотъ безъ словъ, обливаясь слезами, рухнулся наземь, къ ногамъ батюшки, Отецъ Іоаннъ пожалъ плечами, добродушно улыбнулся и, протянувъ впередъ правую ногу, промолвилъ:

— Ну, ладно, снимай!..

Субъектъ съ фіолетовымъ носомъ, захлебываясь отъ восторга, сталъ снимать мѣрку.

Этимъ промежуткомъ, разумѣется, не замедлили воспользоваться и на сцену теперь явились цѣлыя три, очень характерныя, женскія фигуры. Первая, протолкавшаяся изъ толпы женщина, имѣвшая видъ стран-

ницы изъ простаго званія—вся въ черномъ, съ молодымъ, виноватымъ и умиленнымъ лицомъ — несла на тарелкѣ четыре огромныя просфоры, перевязанныя каждая крестъ-на-крестъ розовыми ленточками. Странница быстро опустилась передъ отцомъ Іоанномъ на колѣни и заговорила прерывающимся голосомъ:

— Батюшка, дорогой, прими ты мое смиренное приношеніе?.. Сподобилъ меня Господь къ Святымъ Угодникамъ сходить о твоемъ здоровіи въ кажинномъ мѣстѣ по просфорѣ подать... Вотъ эсту вынула о твоемъ здравіи у Тихона Задонскаго... Вотъ энту у Тихона Калужскаго... А вотъ тае двѣ у Троицы-Сергія и въ Кіевской Лаврѣ... Батюшка, прими! Батюшка, не оставь!! со слезами заключила она.

Отецъ Іоаннъ принялъ тарелку съ просфорами, поставилъ ее на столъ возлѣ себя и улыбнулся ясной и веселой улыбкой.

— Ну, спасибо, милая, за труды, спасибо! ласково проговорилъ онъ. — Только подумай, благодѣтельница, зачѣмъ мнѣ все это? (Онъ полуукоризненно кивнулъ на огромныя просфоры). Вѣдь я іерей, каждый день вкушаю просфоры—куда мнѣ теперь съ ними?!..

Но онъ не успѣлъ еще принять какого-нибудь рѣшенія для успокоенія простодушной странницы, какъ черезъ кухонную дверь, контрабандой, въ каморку проникли еще двѣ женщины и тоже ринулись къ отцу Іоанну. Судя по ихъ одинаковымъ старофасоннымъ платьямъ, по увѣсистымъ бирюзовымъ брошкамъ и серьгамъ и по блѣдно-шафранному цвѣту ихъ лицъ—обѣ повидимому были сестры, старыя дѣвы и принад-

лежали къ купеческому сословію. У этихъ были въ рукахъ, у каждой, по большому пакету, торопливо развернувъ которые тутъ-же, одна поднесла отцу Іоанну два шитыхъ шелками „воздуха“ для причастной чаши, а другая — богато изукрашенный покровъ для Плащаницы. Обѣ все время низко кланялись.

— Батюшка, благословите принести въ даръ Андреевскому собору отъ грѣшныхъ трудовъ! заговорила взволнованно первая сестрица „съ воздухами“.

— Батюшка! заторопилась вторая сестрица „съ покровомъ“, перебивая первую. — Благословите и мнѣ пожертвовать храму вашему! Тоже все сама сработала по обѣщанію!!.. Батюшка, дорогой, не оставьте!..

Батюшка благословилъ обѣихъ сестрицъ и опять полуукоризненно покачалъ головой.

— Голубушки мои, спасибо! Только вѣдь ничего не надо нашему собору — богатъ онъ и такъ; благодареніе Господу, всего у него теперь въ полномъ достаткѣ. Вотъ, ежели въ какое бѣдное село послать ваше рукодѣліе, — это дѣло иное! Не мало еще по нашимъ деревнямъ бѣдныхъ храмовъ — тамъ это куда какъ пригодится!..

— Какъ батюшка соизволишь—такъ тому и быть! заголосили растроганно сестрицы.

— Иванъ Павловичъ! крикнулъ отецъ Іоаннъ.

Въ одинъ мигъ, какъ изъ-подъ земли, выросъ молодой энергичный псаломщикъ, котораго я запримѣтилъ въ думской церкви.

— Вотъ прими, родной, продолжалъ отецъ Іоаннъ, указывая на купеческія пожертвованія. — Отошли ихъ

потомъ въ село, помнишь, о которомъ я тебѣ еще вчера говорилъ?

Иванъ Павловичъ почтительно кивнулъ головой и сталъ отбирать отъ обрадованныхъ сестрицъ ихъ богатыя рукодѣлья. Въ ту минуту изъ толпы вынырнулъ дюжій, краснощекій парень, съ виду похожій на артельщика, и, обливаясь потомъ, наклонился передъ отцомъ Іоанномъ. Въ рукахъ у него былъ увѣсистый денежный пакетъ, который онъ поспѣшилъ вручить батюшкѣ.

— Изъ Рыбинска... на пострадавшихъ отъ неурожая! выговорилъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

Видимо, онъ примчался сюда прямо съ почты, не переводя духа, чтобы застать батюшку на мѣстѣ.

— А! произнесъ довольно отецъ Іоаннъ тѣмъ тономъ, который показывалъ, что онъ отлично зналъ, отъ кого исходило пожертвованіе, и, протянувъ пакетъ расторопному псаломщику, проговорилъ:

— Иванъ Павловичъ, прими!

Затѣмъ отецъ Іоаннъ благословилъ артельщика, немного подумалъ и вручилъ ему одну изъ просфоръ, которыми надѣлила его странница по святымъ мѣстамъ.

— А вотъ это вамъ, боголюбивыя сестрицы! добавилъ онъ, беря двѣ другія и протягивая ихъ купеческимъ благотворительницамъ. — А вотъ, это вамъ отъ меня... для вашей супруги! заключилъ онъ, добродушно улыбаясь, передавая мнѣ четвертую просфору съ изображеніемъ Святителя Тихона Задонскаго.

Излишне говорить, что стѣснившаяся на порогѣ толпа жадно слѣдила за малѣйшимъ словомъ и движеніемъ обо-

жаемаго пастыря, и теперь нетерпѣніе ея возросло до послѣдней степени.

— Батюшка, скоро-ли къ намъ? вырвался изъ толпы умоляющій женскій вопль.

Отецъ Іоаннъ всталъ, рѣшительно встряхнулъ головой и прошелъ въ общую горницу.

Начался молебенъ.

Но толпа такъ теперь стѣснилась вокругъ отца Іоанна, что совершенно его отъ меня заслонила, и все время молебна мнѣ не пришлось его видѣть, а только слышать. Впрочемъ, я не терялъ надежды еще разъ повидать близко этого необыкновеннаго человѣка и, когда молебенъ окончился и поверхъ головъ молящихся показалась знакомая рука съ кропиломъ и энергическими взмахами стала кропить вокругъ святой водой, я сталъ протискиваться, въ числѣ остальныхъ, чтобы приложиться ко кресту. Какъ по Евангелію, первые всегда бываютъ послѣдними, такъ и я очутился теперь въ хвостѣ богомольцевъ однимъ изъ послѣднихъ.

Какъ разъ передо мной прикладывался къ кресту чиновникъ неведомаго вѣдомства, похожій на Мефистофеля, съ подросткомъ-гимназистомъ. Приложившись, онъ представилъ отцу Іоанну своего подростка, съ усердной просьбой благословить его передъ началомъ учебнаго года.

Отецъ Іоаннъ ласково погладилъ мальчика по головѣ.

— Вѣрно только-что поступилъ въ гимназію? спросилъ отецъ Іоаннъ.

— Только-только что успѣли сшить мундирчикъ!

подсказалъ, улыбаясь, отецъ, явно растроганный этимъ знакомъ вниманія.

— Въ математикѣ, поди, молодецъ?

Родитель пришелъ теперь въ совершенный восторгъ.

— Удивительно быстрый, то есть до чего, — просто вы не повѣрите!

— А „въ языкахъ“, поди, слабоватъ?

— Совсѣмъ слабоватъ... именно въ языкахъ!

Отецъ Іоаннъ сдѣлалъ новоиспеченому гимназистику краткое наставленіе и троекратно благословилъ его. Гимназистикъ тоже все время блаженно улыбался, а когда „батюшка“ сталъ его благословлять, вдругъ заплакалъ радостными, дѣтскими слезами. Въ глазахъ Мефистофеля тоже стояли слезы.

Что до меня, то мнѣ едва удалось приложиться ко кресту, потому что „вѣрующія бабы“, окружавшія отца Іоанна и, очевидно, сдерживаемыя въ своихъ порывахъ параднымъ мундиромъ чиновника-Мефистофеля, вдругъ до того теперь его стиснули со всѣхъ сторонъ, что ему, какъ тогда въ церкви, пришлось отступить въ противоположный уголъ комнаты.

— Ну, затѣмъ такъ?.. Ну, пустите! кротко протестовалъ отецъ Іоаннъ.

Но ничего не помогало и общее смятеніе только усиливалось: одна баба пихала ему какія-то письма „изъ губерніи, отъ болящихъ сродственниковъ“, другая — пятирублевую бумажку на поминъ души какого-то „Кондратія“, вѣроятно, покойнаго мужа, третья, по видимости торговка, для чего-то совала цѣлый узелъ съ яблоками и т. п. Словомъ, безъ Матрены Марков-

ны отцу Іоанну пришлось бы совсѣмъ плохо. Энергически расталкивая вѣрующихъ бабъ и внушительно приговаривая: „Милыя, такъ нельзя! Такъ даже совсѣмъ невозможно!.. Дайте батюшкѣ передохнуть! Дайте дорогому хоть чашечку чаю выкушать!“—она протискалась къ дорогому батюшкѣ, осторожно взяла его подъ локоть и провела благополучно до чайнаго стола. Расторопный псаломщикъ тѣмъ временемъ отбиралъ отъ бабъ письма и деньги и разспрашивалъ у каждой, въ чемъ дѣло. Наконецъ, не безъ нѣкоторой опасности, пронесенъ былъ надъ головами богомольцевъ кипящій самоваръ — и чай налитъ. Но не тутъ-то было. Едва отецъ Іоаннъ поднесъ чашку къ своимъ губамъ, вся толпа, охваченная какимъ-то стихійнымъ порывомъ, шарахнулась въ его сторону и чуть не опрокинула чайный столъ. Отецъ Іоаннъ тотчасъ же поставилъ чашку обратно, мигнулъ псаломщику и стремительно направился къ выходу.

Разумѣется, толпа бросилась за нимъ слѣдомъ, черезъ кухню и корридоръ, на луговину двора, гдѣ у воротъ дожидались отца Іоанна однокошныя дрожки.

Боже мой, кого тутъ только не было! Весь просторный дворъ былъ буквально усѣянъ публикой и притомъ самаго смѣшаннаго характера, начиная отъ барынь съ плюшевыми ридикюлями и шляпками отъ Ля-Птитъ-Жаннетъ и кончая кучкой полуголыхъ и испитыхъ бродягъ, совершенно свободно прохаживавшихся передъ воротами. Эта кучка босовиковъ среди остальной нарядной толпы оставляла глубокое впечатлѣніе. Невольно чувствовалось, что всѣ эти отверженцы міра, едва осмѣ-

ливающіеся показать на свѣтъ Божій свои нищенскія лохмотья и прячущіеся въ другое время въ отдаленныхъ и темныхъ закоулкахъ, здѣсь, подъ рукой отца Іоанна, какъ бы сознавали себя равными братьями по Христу, и въ ихъ исподлобья сверкавшихъ глазахъ я улавливалъ радостную искорку мимолетнаго торжества.

Нечего говорить, что добраться отцу Іоанну до своего экипажа было не такъ-то легко. Наскоро благословляя направо и налѣво, одѣляя мелочью протиснувшихся къ нему бродягъ, отвѣчая бѣгло на сыпавшіеся на него со всѣхъ сторонъ просьбы и вопросы, очутился онъ наконецъ около дрожекъ. Молодой псаломщикъ, сопутствовавшій отца Іоанна и видимо привычный ко всякимъ передрягамъ, ловкимъ движеніемъ подхватилъ его и усадилъ въ дрожки. Въ одно мгновеніе ока онъ очутился на дрожкахъ самъ и, крѣпко обхвативъ отца Іоанна, въ виду волновавшейся вокругъ толпы, крикнулъ кучеру: „пошелъ!“.

Этотъ быстрый маневръ однако не помѣшалъ взобраться на дрожки и усѣсться въ самыхъ ногахъ отца Іоанна какому-то горбатому бродяжкѣ съ оторваннымъ воротомъ и уцѣпиться сзади, за сидѣнье дрожекъ, какой-то плачущей бабѣ въ раздувающейся красной юбкѣ.

Лошадь рванула, толпа отхлынула и пролетка съ отцомъ Іоанномъ, молодымъ псаломщикомъ, ободраннымъ бродягой и плачущей бабой, повисшей сзади со своей красной юбкой, исчезли изъ глазъ публики.

Отецъ Іоаннъ уѣхалъ...

Многіе ставятъ отцу Іоанну въ вину его популяр-

ность. Но, вопросъ, ищетъ ли онъ ее? Не ищетъ и не искалъ. Напротивъ, онъ вездѣ и всегда избѣгаетъ всякаго проявленія благодарности, прячется отъ разныхъ депутацій или демонстрацій и, неоднократно, при видѣ встрѣчающей его тысячной толпы, онъ восклицалъ:

— Что мнѣ съ ними дѣлать? Научите, куда отъ нихъ укрыться...

Пробывалъ о. Іоаннъ просить своихъ попечителей съ церковной каѳедры держать себя скромнѣе и не устраивать ему тріумфовъ; при рѣдкихъ бесѣдахъ съ представителями печати онъ просто умолялъ не печатать о случаяхъ исцѣленія его молитвами и вообще не писать о его дѣятельности; наконецъ, придумывалъ онъ разные потаенные входы и выходы, но все напрасно! Чѣмъ больше избѣгалъ онъ огласки и популярности, тѣмъ больше его преслѣдовали, такъ что махнувъ въ концѣ концевъ на все рукою, онъ сдѣлался совершенно равнодушенъ ко всему окружающему и не замѣчаетъ кажется что происходитъ вокругъ. Затрутъ ли его толпой, онъ будетъ стоять и ждать, пока кто нибудь не высвободитъ его, или сами осаждающіе не сдѣлаются снисходительнѣе; встрѣчаютъ ли, провожаютъ ли его, онъ раскланивается, терпѣливо все выслушиваетъ и какъ посторонній свидѣтель идетъ далѣе своею дорогою. За всѣ 35 лѣтъ священнослуженія отецъ Іоаннъ не только ни разу не вызвалъ какой-либо демонстраціи, но не далъ даже малѣйшаго повода заподозрить его въ желаніи стать предметомъ демонстративнаго чествованія. Мало того, когда онъ замѣчалъ только желаніе съ чьей либо стороны эксплоатировать его популярность (а та-

кихъ поползновеній было множество), онъ рѣзко и рѣшительно обрывалъ свои отношенія.

Отецъ Іоаннъ, втеченіе 35-ти лѣтняго періода, отправляетъ всѣ священническія обязанности, до законоучительства включительно; наровнѣ со всѣми другими іереями у него есть *свои* прихожане, требы и т. д., какъ и во всѣхъ другихъ церквахъ съ однимъ или нѣсколькими священниками; но та дѣятельность о которой мы будемъ говорить ниже, выходитъ изъ предѣловъ „прихода“ кронштадтскаго Андреевскаго собора, какъ вообще она выходитъ изъ предѣловъ *обязанностей* отца и пастыря церкви. Эта дѣятельность „внѣ-нормальная“, если можно такъ выразиться, „или сверхъ-нормальная“, и она-то даетъ отцу Іоанну тотъ нравственный обликъ, который подобно магниту притягиваетъ къ себѣ сердца людей, заставляя ихъ искать скромнаго и ничѣмъ по внѣшнему виду или положенію не выдѣляющагося священника.

Внѣшность отца Іоанна за всѣ 35 лѣтъ его служенія церкви осталось неизмѣнно та же. Никогда не казался онъ молодымъ человѣкомъ, но и теперь, на 63 г. отъ роду, онъ не только не похожъ на старика, но ему нельзя дать болѣе 40 лѣтъ, такъ онъ моложавъ и свѣжъ. На видъ это священникъ небольшаго роста, сухощавый, и лицо его не поддается передачѣ. Многимъ приходилось видѣть уважаемаго пастыря и потомъ сличать разныя фотографіи: ничего похожаго.

Съ перваго взгляда ничего нельзя найти особеннаго въ лицѣ священника; оно не похоже на древнепатріаршій ликъ, изображаемый на памятникахъ старины; его

борода небольшая и не окладистая, не густая и не сѣдая; морщины на лицѣ. Волосы лежатъ на плечахъ, гладко расчесанные по срединѣ лба. Это самое обыкновенное типичное русское лицо. Впечатлѣніе сразу мѣняется, когда онъ поднимаетъ глаза. Въ этихъ голубыхъ глазахъ столько блеска и свѣта, что кажется, что они вокругъ себя озаряютъ.

Понятно, что никакія фотографіи не могутъ передать характерныхъ чертъ этого нервно-подвижнаго лица, съ глазами, которые имѣютъ какую-то особенную силу: при взглядѣ на нихъ какъ-то дѣлается жутко, и если смотрѣть долго, то они умиротворяютъ, утѣшаютъ.

Ему рѣдко удается спать болѣе трехъ — четырехъ часовъ въ сутки. У него нѣтъ и не можетъ быть опредѣленнаго времени для принятія пищи и онъ питается всегда наскоро тѣмъ, что ему предложатъ. Онъ не знаетъ усталости, по шести и болѣе часовъ на ногахъ, постоянно дома, на улицѣ или въ церкви, исповѣдуя и пріобщая св. Тайнъ сотни лицъ, ежедневно къ нему обращающихся.

Нѣсколько минутъ отдыха — и онъ спѣшитъ всюду, куда зовутъ его, служитъ молебны, навѣщаетъ больныхъ. Почти каждый день онъ ѣдетъ изъ Кронштадта въ Петербургъ и обратно, а то и гораздо далѣе, во всякую погоду, по всякой дорогѣ. Въ послѣднее время онъ часто посѣщаетъ Москву. Нерѣдко также посѣщаетъ родину; но все это на короткое время. Въ пять часовъ утра онъ уже на ногахъ и, обыкновенно, прогуливается въ небольшомъ садикѣ возлѣ дома, въ которомъ занимаетъ квартиру во второмъ этажѣ. Въ большинствѣ

случаевъ только въ 11 часовъ ночи, а то и гораздо позже, онъ возвращается въ свое скромное жилище.

Онъ получаетъ и расходуетъ въ годъ до 100,000 р. изъ которыхъ около 50,000 р. отдаетъ Кронштадту. Съ одинаковою готовностью посѣщая хоромы богачей и лачуги бѣдняковъ, онъ, получивъ какое либо приношеніе отъ первыхъ, отдаетъ его обыкновенно послѣднимъ, представляя изъ себя посредника между богатыми и бѣдными.

Помимо народа, всегда чуткаго къ людямъ добра и вѣры, отмѣтили выдающуюся личность отца Іоанна Кронштадтскаго и два извѣстные іерарха Православной Церкви: почившій преосвященнѣйшій Пиконоръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій и о. настоятель Каѳедральнаго Исаакіевскаго собора П. С. Смирновъ.

Владыка Пиконоръ говоритъ:

„Поразительнѣйшее знаменіе времени—отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. Вѣдь его жаждутъ принять вездѣ, отъ подвала до раззолоченныхъ палатъ. Этого мало. Онъ не можетъ, не имѣетъ времени читать всѣ посылаемыя къ нему письма и телеграммы, которыми наполняются цѣлыя корзины. Онъ не имѣетъ времени удовлетворить насущнѣйшимъ потребностямъ—питанія и отдыха. Когда онъ приближается изъ Кронштадта къ Петербургу, здѣсь на пристани всегда уже знаютъ и ждутъ его толпы народа; знаютъ напередъ и ждутъ его во всякой части города, у всякаго дома, гдѣ предполагается его прибытіе. При выходѣ изъ закрытаго экипажа, при выходѣ изъ домовъ къ экипажу, его рвутъ на части, чтобы принять его благословеніе, рискуя и его и сами себя раздавить въ народной толкотнѣ. Его молитвенной

помощи ждутъ и просятъ не только въ Россіи, и заграницей. И молитвенная помощь его, всегда съ его стороны простая, ничего чудеснаго прямо необѣщающая, бываетъ иногда поразительно чудесною. Истинно поразительна, даже чудесна самая вѣра въ отца Іоанна Кронштадтскаго всѣхъ сословій Петербурга да и всѣхъ концовъ Россіи. А такой простой, безъискусственный человѣкъ, но истинно вѣрующій въ дѣйственность силы Божіей и въ наши дни священникъ. *Чудотворна та икона*, выразился глубоко-мудрый первосвятитель Россійской церкви, 90-лѣтній старецъ,—*которая сильна возбудить вѣру въ свою чудотворность*. Силу этого глубокомысленнаго изреченія можно примѣнить и къ отцу Іоанну Кронштадтскому. Да, чудотворецъ онъ уже потому самому, что возбудилъ крѣпкую вѣру въ чудотворную силу Божію, содѣвающуюся въ человѣческой немощи и въ наши невѣрные дни.

„Не знаменіе-ли это времени? Кто могъ подумать 20 лѣтъ назадъ, въ 60-хъ годахъ, что Петербургъ такъ согласно будетъ выражать свою вѣру во всемогущую чудотворность силы Божіей, передъ очами нашими являемую въ немощи человѣческой? И однако-же это фактъ,—фактъ, свидѣтельствующій о поворотѣ въ склонѣ народнаго духа“.

Другой авторитетный пастырь церкви, извѣстный проповѣдникъ, настоятель каѳедральнаго Исаакіевскаго собора, П. А. Смирновъ, говоря въ собраніи, въ присутствіи нѣсколькихъ іерарховъ церкви и высокопоставленныхъ лицъ, Петербургскаго братства во имя Пресв. Богородицы, въ рѣчи своей о пашковской ереси, которая въ послѣднее время такъ сильно распространилась въ сто-

лицѣ, высказалъ объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ слѣдующее:

„Но если велика сила вражія, то безконечно могущественна сила Божья. Около самого Петербурга, на пути, откуда пришелъ къ намъ начальникъ ереси (лордъ Редстокъ, отъ котораго впослѣдствіи и образовалась пашковская ересь), является пастырь съ особеннымъ даромъ молитвы и исцѣленія. Простой и добрый, искреннѣйшій человѣкъ, онъ дѣйствуетъ на прибѣгающихъ къ нему именно и только, какъ священникъ, тѣми средствами, какія указуетъ церковь: совершеніемъ молебствій предъ св. иконою и окрапленіемъ освященною водою, чтеніемъ Слова Божія и словомъ пастырскаго назиданія, постомъ и говѣніемъ, исповѣдью и преподаніемъ св. Тайнъ, — и благодати священства усвояетъ все, что совершаетъ черезъ него Милосердный Господь. И передъ нашими глазами точно повторяются событія евангельской и апостольской исторіи: толпы народа окружаютъ всюду вѣрнаго носителя Божественной благодати, немощныя врачующей, и не даютъ покою ему ни на одинъ часъ, какъ нѣкогда ученикамъ Іисуса. Этотъ смиреннѣйшій пастырь—живой и сильный обличитель гордаго суемудрія сектантскаго“.

Неужели отзывы подобныхъ іерарховъ можно отнести къ пропогандированію личности отца Іоанна Кронштадтскаго?

Всякій согласится, что это будетъ нелѣпость.

ГЛАВА II.

Подвиги милосердія отца Іоанна.

(благотворительныя учрежденія. — нищіе).

Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.

Въ благотворительной дѣятельности своей о. Іоаннъ увѣковѣчилъ въ Кронштадтѣ свое доброе имя осязательными памятниками. Прежде этотъ портовый городъ изобиловалъ нищими; теперь нищихъ нѣтъ: есть призрѣнные и работники. Благотворительныя учрежденія города старались и прежде о. Іоанна избавиться отъ этого зла, но не могли.

„Я поставилъ себѣ за правило, — говоритъ отецъ Іоаннъ, — сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу и строго слѣдить за собою и своею внутреннею жизнію“.

Правила этого почтенный пастырь придерживается неуклонно.

Кто бы ни обращался къ нему съ просьбой о помощи въ своей нуждѣ или скорби, онъ всегда встрѣчалъ сердечную доброту, откликъ и теплое участіе къ себѣ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что цифра, „нуждающихся“ у отца Іоанна достигаетъ нѣсколькихъ *десятковъ тысячъ* человѣкъ и онъ воистину *отецъ* имъ, заботящійся не объ одной духовной ихъ жизни, но вникающій во всѣ нужды земного существованія начи-

ная съ пищи, ночлега, работы и кончая болѣзнью. Можно было бы пожелать только, чтобы кровные отцы пеклись и любили родныхъ своихъ дѣтей въ такой же мѣрѣ, какъ о. Іоаннъ заботится и любитъ дѣтей духовныхъ.

Преслѣдуя цѣли благотворенія, о. Іоаннъ прежде всего обратилъ вниманіе на тотъ классъ людей, которыхъ обыкновенно называютъ голью горемычной, пьяницами-пропоицами.

О. Іоаннъ задумалъ устроить такое учрежденіе, которое давало бы возможность получать помощь не какъ подаяніе, а какъ награду за трудъ, давало возможность заработка на насущныя потребности, не допуская вмѣстѣ съ тѣмъ нравственнаго паденія бѣдняка, чего никогда не могла-бы дать милостыня, въ большинствѣ случаевъ служащая причиною тунеядства.

Такимъ учрежденіемъ оказался построенный въ 1882 году „Домъ Трудолюбія“ въ Кронштадѣ, дѣятельность котораго открылась 12 октября того же года. Учрежденіе существуетъ на субсидіи, пожертвованія и членскіе взносы. Болѣе всѣхъ жертвуетъ о. Іоаннъ. Изъ доходовъ около 60 тысячъ болѣе сорока тысячъ получается отъ отца Іоанна.

Этотъ „Домъ Трудолюбія“ есть любимое дѣтище о. Іоанна. На немъ главнымъ образомъ и сосредоточивается офиціальная дѣятельность о. Іоанна. Съ самаго вступленія своего на пастырское поприще о. Іоаннъ сталъ заботиться объ улучшеніи быта бѣднѣйшей части населенія своего прихода и всего Кронштадта. Еще въ 60-хъ годахъ онъ заговорилъ въ печати объ учрежденіи „Домовъ трудолюбія“. Въ 1874 году по его ини-

ціативѣ, было учреждено при Андреевскомъ соборѣ приходское попечительство. „Церковное попечительство, — говорилъ о. Іоаннъ при его открытіи, — есть учрежденіе первыхъ христіанъ временъ апостольскихъ, которые, по братской любви, такъ заботились другъ о другѣ, что „не бяше нищъ ни единъ изъ нихъ“ (Дѣяніе 4, 34). Оно особенно необходимо у насъ. Дай Богъ, чтобы оно было и у насъ въ такомъ же духѣ единомыслія и любви“.

Вскорѣ при церковно-приходскомъ попечительствѣ возникло замѣчательное благотворительное сооруженіе, въ основѣ котораго положены незыблемыя начала: „трудъ и любовь“. Благодаря поддержкѣ такихъ дѣятелей (какъ баронъ Буксгевденъ, генеральша Лапшина, докторъ Дворяшинъ и др.), изъ „Дома Трудолюбія“ разрослось дерево, прикрывшее своими вѣтвями до двадцати городовъ Россіи, въ которыхъ теперь бѣдняки-труженики могутъ получить помощь не какъ подаяніе, а какъ плату за трудъ...

Въ кронштадтскомъ „Домѣ Трудолюбія“ имѣются:

1) два начальныя училища;

2) убѣжище для сиротъ и дѣтское дневное пристанище;

3) лечебница для приходящихъ;

4) народныя чтенія;

5) даровой ночлежный пріютъ (въ особомъ зданіи).

Кромѣ того имѣются мастерскія, доставляющія неимущему люду заработокъ:

Пенькощипная мастерская, въ которой за послѣдній годъ работало 15.812 человѣкъ и уплочено за работу 2,774 р. 86 коп.

Женская мастерская, состоявшая въ началѣ изъ двухъ отдѣловъ: моднаго и бѣлошвейнаго. Позднѣе былъ присоединенъ новый отдѣлъ — вышивки и мѣтки бѣлья. Втеченіе 1891 года работало въ мастерской 28 дѣвушекъ, при чемъ израсходовано собственно на мастерскую 120 р. 70 к., на жалованье учительницѣ рукодѣльнаго класса въ начальной школѣ 180 р., а всего 300 р. 70 к. А дохода получено 28 р. 94 к. Мастерская, кромѣ заказовъ, исполняла много работъ для воспитанниковъ и воспитанницъ убѣжища, какъ по изготовленію новаго платья, такъ и починку и исправленія стараго.

Сапожная мастерская, въ которой подъ руководствомъ опытнаго мастера обучалось 12 мальчиковъ и расходъ на которую выразился въ 55 р. 63 к. *).

Народная столовая отпускаетъ безплатные обѣды, количествомъ 13,194 порцій въ годъ, на сумму 952 р. 93 коп.

Ночлежный пріютъ, взимающій за ночлегъ отъ 2-хъ до 3-хъ коп., далъ втеченіе года пристанище 4,616 чел. и, кромѣ того, 984 человѣка ночевали безплатно. Израсходовано на ночлежный пріютъ за годъ 238 р. 96 к., а принято въ доходъ 115 р. 40 к.

Призрѣніе бѣдныхъ женщинъ. Для преклоннаго возраста женщинъ, потерявшихъ способность къ труду, гдѣ многія нашли себѣ кровъ и пищу, а нѣкоторыя изъ нихъ и денежное пособіе.

Амбулаторная лечебница пользовала приходящихъ больныхъ 1,058 человѣкъ и понесла расходъ въ 259

*) Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ рубрикахъ, ниже, отчетъ берется за 1891-й годъ.

рублей 72 коп., при чемъ въ доходъ поступило вынутыхъ изъ кружекъ 18 руб. 94 коп., не считая пожертвованныхъ медикаментовъ и перевязочныхъ матеріаловъ на сумму 187 рублей. Пользованіе въ лечебницѣ безплатное, за исключеніемъ лицъ достаточныхъ, которыя вносятъ 20 копѣекъ, опуская ихъ въ имѣющуюся тамъ кружку.

Народныя чтенія велись и ведутся по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и заключаются въ разъясненіи Евангелія. Слушатали охотно посѣщаютъ эти чтенія, въ особенности интересуясь вечерними чтеніями, сопровождаемыми туманными картинами. За входъ на эти чтенія взимается по 5 и по 3 копѣйки, а воспитанники пріютовъ, ученики городскихъ школъ и др. допускаются безплатно. Нужно отдать справедливость,— дѣло поставлено прекрасно и способно привлечь массы народа, что и выражается въ обычномъ присутствіи до 500 человѣкъ. О каждомъ чтеніи оповѣщается печатными афишами.

Кромѣ религіознаго содержанія, чтенія заключаются въ слѣдующихъ предметахъ: русской исторіи, географіи, астрономіи и литературѣ. Всего посѣтителей втеченіе года было 14,400 человѣкъ. Въ приходъ коммиссіи по устройству народныхъ чтеній поступило 380 руб. 17 коп., а израсходовано 223 р. 73 коп.

Начальное училище, состоящее изъ трехъ отдѣленій, даетъ первоначальное образованіе приблизительно 182 учащимся. Училище это пользуется необыкновеннымъ довѣріемъ родителей, и наплывъ желающихъ туда поступить постоянно громадный. Содержаніе школы обходится 1,970 руб. въ годъ.

Дѣтская библіотека при начальномъ училищѣ безплатно выдаетъ книги приходящимъ ученикамъ и ученицамъ, а также и дѣтямъ убѣжища. Число выдаваемыхъ для чтенія книгъ достигаетъ 1,156 экземпляровъ. Въ распоряженіи библіотеки находится до 477 томовъ, на сумму 364 руб. 73 коп.

Рисовальные классы даютъ обученіе рисованію 17 дѣтямъ безплатно, а 127—съ платою.

Убѣжище для сиротъ и дѣтское пристанище содержитъ въ себѣ 51 чел. дѣтей обоего пола разныхъ возрастовъ, званій и вѣроисповѣданій. Расходуется на это учрежденіе около 2,302 р. въ годъ.

Затѣмъ, кромѣ всего перечисленнаго, постоянно производится выдача денежныхъ пособій, всего въ суммѣ 3,671 р. въ годъ. Всѣхъ такихъ бѣдняковъ до 7,000 человѣкъ. Нѣкоторые получаютъ пособіе одеждой и обувью. Выдача производится ежемѣсячно отъ 10 коп. до 1 р. 50 коп. Многимъ раздаетъ пособія самъ о. Іоаннъ. Это исключительно старики, снабженные свидѣтельствами врачей о неспособности ихъ къ физическому труду и поддерживающіе свою жизнь прошеніемъ подаянія.

Кромѣ этихъ учрежденій, открывается въ Кронштадтѣ еще дневное пристанище для бѣдныхъ дѣтей, строится домъ для дешевыхъ квартиръ, на что ассигновано 60,000 руб., и наконецъ, на средства о. Іоанна, устроивается пріютъ для бездомныхъ дѣтей.

И все это дѣлается, благодаря одному человѣку—почтенному пастырю о. Іоанну. Не всякому городу выпадаетъ такая завидная участь.

Выше мы говорили, на кого болѣе всего обращено

вниманіе о. Іоанна въ Кронштадтѣ: на такъ называемую „голь горемычную, пьяницъ-пропоицъ“. Въ Кронштандтѣ они носятъ своеобразное названіе „Строя“.

Вотъ что разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ этого „Строя“, давшій себѣ трудъ сдѣлать надъ нимъ свои наблюденія *).

Чуть загорѣлся востокъ... Съ моря потянуло прохладой... Спитъ еще Кронштадтъ и только „посадская голь“ начала вылѣзать изъ своихъ „щелей“—грязныхъ вонючихъ угловъ, въ низенькихъ ветхихъ домишкахъ.—Боже, неужели здѣсь живутъ люди, думалъ я, обходя въ первый разъ посадскія трущобы, точно вросшія въ землю. Оказалось, что не только живутъ, но живутъ плотнѣе и скученнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ богадѣльняхъ или казармахъ. Нары понадѣланы рядами, а мѣстами еще въ два этажа! Голыя доски, полутемная нетопленная изба, смрадная, нестерпимо пахучая атмосфера—вотъ общіе признаки посадскихъ „щелей“.

Только что пробило 5 часовъ утра, какъ изъ убогихъ посадскихъ избушекъ начали выскакивать фигуры, мужскія и женскія, въ какихъ-то „маскарадныхъ“ костюмахъ: кто въ кацавейкѣ и большихъ калошахъ, кто въ зипунѣ съ торчащими клоками ваты; на головѣ остовъ цилиндра, соломенная въ дырахъ шляпа и т. п. Всѣ торопятся точно по дѣлу бѣгутъ...

— Не опоздать бы, не ушелъ бы...

Только это у всѣхъ и на умѣ, потому что если „опоздать“ или „онъ“ ушелъ—день голодовки и ночлега подъ открытымъ небомъ.

---

*) Приложеніе къ газ. „День“ за май мѣс. 1891 г.

Конечно, этотъ „онъ“—отецъ Іоаннъ, „отецъ“ и единственный печальникъ всей кронштадтской подзаборной нищеты... Безъ него половина „посадскихъ“, вѣроятно, давно извелась бы отъ холода и голода.

— Куда же вы такъ торопитесь?—спросилъ я одного оборванца, когда первый разъ знакомился съ „золотой ротой Кронштадта“.

— Въ „строй“—отвѣчалъ онъ, кто опоздаетъ къ раздачѣ – послѣ не получитъ.

Я пошелъ тоже за бѣжавшими...

На дворѣ было холодно и совсѣмъ еще темно; фонарей въ этихъ улицахъ въ Кронштадтѣ нѣтъ, такъ что ходить приходится почти ощупью. Мы прошли нѣсколько улицъ пока на горизонтѣ обрисовался куполъ Андреевскаго собора.

— Гдѣ „строиться?“—спрашивали золоторотцы другъ друга...

— У батюшки, у батюшки... Онъ сегодня не служитъ въ соборѣ.

Когда я подошелъ къ дому, въ которомъ живетъ отецъ Іоаннъ, тамъ собралось уже нѣсколько сотъ оборванцевъ и народъ продолжалъ стекаться со всѣхъ сторонъ.

— Стройся, стройся,—слышались голоса.

Сотни собравшейся голи начали становиться вдоль забора, начиная отъ дома отца Іоанна по направленію къ „Дому Трудолюбія“. На одной сторонѣ становились мужчины, на противоположной панели женщины. Меньше чѣмъ въ 5 минутъ образовалась длинная лента изъ человѣческихъ фигуръ, примѣрно въ полверсты. Бѣдняки стояли въ три колонны, т. е. по три человѣка

въ рядъ, такъ что занимали всю панель, женщинъ было гораздо меньше мужчинъ.

Всѣ ждали...

Еще не было 6 час., когда изъ калитки хорошо знакомаго „золоторотцамъ“ дома, вышелъ „батюшка“... Толпа заколыхалась, но всѣ остались на мѣстахъ, обнаживъ только головы.

Отецъ Іоаннъ снялъ свою шляпу, сдѣлалъ поклонъ своимъ „дѣтямъ“, перекрестился на виднѣющійся вдали храмъ и пошелъ по „строю“.

— Разъ, два, три... десять... двадцать...

Двадцатый получилъ рубль для раздѣла съ 19-ю коллегами. Опять: „разъ, два, три... десять... двадцать“ и опять рубль. Такъ до самаго конца „строя“. Только что кончился счетъ, вся толпа бросилась съ своихъ мѣстъ къ „батюшкѣ“. Кто становился на колѣни, кто ловилъ руку „батюшки“ для поцѣлуя, кто просилъ благословенія, молитвы; нѣкоторые разсказывали свои нужды... И отецъ Іоаннъ всѣхъ удовлетворилъ, никому не отказалъ; видно было, что почтенный пастырь сроднился съ этой средой, понимаетъ ихъ безъ словъ, по одному намеку, точно также какъ и толпа понимаетъ его по однимъ жестамъ...

Окруженный и сопровождаемый своими „дѣтьми“, о. Іоаннъ медленно движется къ собору Андрея Первозваннаго (или церкви „Дома Трудолюбія“) для служенія ранней обѣдни. Исчезъ „батюшка“ въ дверяхъ храма и толпа разсѣевается по городу, лишь ничтожная часть остается на паперти для сбора подаяній. Это уже профессіональные нищіе, которыхъ, однако, сравнительно

очень немного, и напрасно нѣкоторые полагаютъ, будто о. Іоаннъ размножаетъ нищихъ.

Этотъ „строй золотородцевъ“ образовался лѣтъ 30 тому назадъ, но развился и преумножился за послѣдніе годы. По самому умѣренному разсчету, число бѣдняковъ, живущихъ на счетъ отца Іоанна, достигаетъ тысячи человѣкъ, причемъ всѣ они *ежедневно утромъ и вечеромъ* получаютъ нѣсколько копѣекъ. Независимо отъ этого для нихъ устроены на средства кронштадтскаго пастыря ночлежный пріютъ, рабочій домъ и двѣнадцать благотворительныхъ заведеній. Я упоминалъ прежде, что содержаніе пріютовъ, лечебницъ, мастерскихъ и др. заведеній при кронштадтскомъ „Домѣ Трудолюбія“ обходится отцу Іоанну въ 50—60 тысячъ руб. ежегодно, не считая утреннихъ и вечернихъ раздачъ, а также случайныхъ выдачъ, болѣе или менѣе крупныхъ.

Бѣдняки привыкли смотрѣть на заботы о нихъ почтеннаго пастыря, какъ на что-то должное, почти законное. Если иногда случается, что при раздѣлѣ „строй“ получаетъ по 2 коп. на человѣка, вмѣсто ожидавшихся 3-хъ, то раздаются громкіе протестующіе голоса:

— Не брать, ребята, ничего не брать, не надо. Этакъ завтра батюшка по копѣйкѣ дастъ. Что-жъ мы будемъ на улицѣ ночевать что ли (въ ночлежномъ пріютѣ взимается по 3 коп. съ человѣка).

— Митричъ, ступай депутатомъ къ батюшкѣ; скажи что меньше 3-хъ мы не беремъ.

Впрочемъ, эти голоса никогда не одерживали побѣды и оставались въ ничтожномъ меньшинствѣ. Но „Митричъ“ и никто другой никогда не рѣшились бы

идти съ протестомъ, а такъ погалдятъ, пошумятъ, возьмутъ, конечно то что даютъ, и разбредутся по домамъ.

Отецъ Іоаннъ и самъ смотритъ на заботы о кронштадтскихъ бѣднякахъ, какъ на свою обязанность. Послѣдніе годы онъ не имѣетъ времени одѣлять „строя", но поручаетъ это кому-либо изъ приближенныхъ, а когда уѣзжаетъ въ Москву или на родину, то оставляетъ на всѣ дни опредѣленную сумму съ тѣмъ, чтобы бѣдняки ежедневно утромъ и вечеромъ получали по 3 или 5 коп. (смотря какими рессурсами располагаетъ пастырь).

Всѣ эти бѣдняки обожаютъ своего „отца" и „кормильца" и нравственное вліяніе „батюшки" на него громадно. Довольно „батюшкѣ" намекнуть о какомъ либо желаніи, чтобы бѣдняки немедленно приняли всѣ мѣры къ выполненію воли своего „отца".

Составъ бѣдняковъ часто мѣняется. Можно назвать нѣсколько десятковъ, а можетъ быть и сотенъ бѣдняковъ, которые подъ вліяніемъ пастырства отца Іоанна и при его матеріальной поддержкѣ и помощи сдѣлались теперь если не богатыми, то сравнительно достаточными тружениками: нѣкоторые получили хорошія мѣста, другіе сдѣлались торговцами, третьи покинули Кронштадтъ и Петербургъ, отправившись на заработки въ провинцію. Но прибывающихъ всегда больше выбывающихъ, почему численность „строя" растетъ съ каждымъ годомъ. Конечно, въ массѣ есть люди порочные, есть профессіональные нищіе, но можно утверждать, что хорошихъ больше чѣмъ худыхъ и несчаст-

ныхъ больше чѣмъ порочныхъ, даже много больше. Отецъ Іоаннъ знаетъ про плевелы своей паствы и старается игнорировать ихъ по возможности, но никогда не выдѣляетъ ихъ изъ „строя“ при раздѣлѣ подаянія, руководствуясь общимъ правиломъ: „просящему у тебя дай“. А если этотъ „просящій“ снесетъ подаяніе въ кабакъ — это дѣло его совѣсти, онъ за это отвѣчать будетъ.

ГЛАВА III.

„Батюшкины овцы“.

(Исповѣдники).

Намъ ли не о чемъ поскорбѣть на исповѣди! (Изъ поуч. о. Іоанна).

Подъ наименованіемъ „батюшкиныхъ овецъ“ разумѣются исповѣдники о. Іоанна. Это одна изъ наиболѣе многочисленныхъ группъ — труждающихся, обремененныхъ, удрученныхъ, скорбящихъ, болящихъ, несчастныхъ и, вообще, людей, находящихся въ какомъ либо горѣ, или „пришибленныхъ“ судьбой. Въ числѣ исповѣдниковъ есть, впрочемъ, и люди „счастливые“, но ихъ весьма немного.

Нѣтъ никакой возможности даже приблизительно опредѣлить число исповѣдниковъ о. Іоанна. Число это велико, оно измѣряется тысячами, но сколько тысячъ — не знаетъ и самъ кронштадтскій пастырь. Да и какая можетъ быть тутъ статистика?! О. Іоаннъ ежедневно

молится, благословляетъ и посѣщаетъ отъ 15 до 100 несчастныхъ, кромѣ обращающихся къ нему письменно. Ни запомнить фамиліи или лица, ни переписать всѣхъ визитовъ нѣтъ возможности, но если бы это и удалось сдѣлать, статистика „исповѣдниковъ о. Іоанна“ все-таки была бы невѣрна. Много званныхъ и мало избранныхъ; много обращаются къ „батюшкѣ“ за помощью, но далеко не всѣ остаются его „дѣтьми“, даже изъ получившихъ помощь. Кто пробовалъ „счастье“, кто слѣдовалъ примѣру и шелъ за массой, за толпой, не отдавая себѣ отчета, а кто и забылъ минувшіе дни испытаній, снова вернувшись на щирокій пиръ прежней жизни...

Число „исповѣдниковъ“ въ послѣдніе годы достигаетъ 150—300 ежедневно, а Великимъ постомъ возрастаетъ до 5—6,000 въ недѣлю, такъ что по своей многочисленности они требуютъ у „батюшки“ не меньше времени, чѣмъ и другія группы духовныхъ чадъ.

Обладая неисчерпаемымъ запасомъ любви къ ближнимъ, кротости и терпѣнія, о. Іоаннъ выстаиваетъ по нѣсколько часовъ у исповѣдныхъ ширмъ или на амвонѣ съ чашею св. даровъ такъ же покойно, охотно и съ тѣмъ же свѣтящимся радостью лицомъ, какъ и на дворѣ передъ „строемъ“ своихъ оборванцевъ, въ странноприимныхъ домахъ съ болящими, или цѣлыми днями разъѣзжая по Петербургу съ „визитами“. Никто и никогда не слышалъ отъ о. Іоанна жалобы на докучливость его дѣтей, на усиленныя занятія, утомленіе и т. п. Можно подумать, что человѣкъ этотъ лишенъ нервной системы, но о. Іоаннъ, напротивъ, страдаетъ слабыми нервами и только почти сверхъестественная

сила воли, безграничная любовь къ окружающимъ и глубокая набожность берутъ верхъ надъ расшатанными нервами. Бываютъ, однако же, случаи, когда о. Іоаннъ теряетъ самообладаніе. Въ эти минуты онъ говоритъ отрывисто и рѣзко, не смотритъ прямо въ глаза, какъ обыкновенно, и старается „бѣжать“... Гнѣвъ „батюшки“ только въ этихъ проявленіяхъ и выражается. А происходитъ его гнѣвъ за нарушеніе исповѣдниками благочинія въ храмѣ, проявленія грубости или злости во время молитвы или открытый обманъ.

Въ такихъ случаяхъ о. Іоаннъ говоритъ:

— Мнѣ здѣсь нечего дѣлать.

Не переноситъ также о. Іоаннъ толкотни и давки при исповѣди и святомъ причастіи...

Это уже доказываетъ, что батюшка „сердится“ и мертвая тишина водворяется въ храмѣ.

Сознавая всю важность и святость таинства причащенія, о. Іоаннъ просто *боится* малѣйшаго проявленія вольнаго или невольнаго оскорбленія святыни. Оберегая „мѣсто“ отъ нарушенія благоговѣнія, онъ оберегаетъ и дѣтей своихъ отъ тяжкаго грѣха „недостойно“ принять св. Таинство. Отсюда и проявленіе по временамъ строгости. За то, когда все кончено, всѣ сподобились пріобщиться, съ какимъ сіяющимъ лицомъ выходитъ на амвонъ батюшка и, дѣлая низкій поклонъ, произноситъ:

— *Честь имѣю* васъ поздравить, господа!

Въ началѣ своей пастырской службы, когда исповѣдники внѣ Великаго поста были большою рѣдкостью, о. Іоаннъ посвящалъ каждому приходящему каяться въ грѣхахъ много времени; это была не простая формальная исповѣдь, а цѣлая школа, испытаніе, экзаменъ ду-

шевныхъ чувствъ и религіозныхъ знаній. Иногда батюшка проводилъ цѣлые часы въ бесѣдѣ съ исповѣдникомъ и, откладывая разрѣшеніе грѣховъ, заставлялъ приходить еще и еще... Съ годами число „дѣтей“ кронштадтскаго пастыря, а въ томъ числѣ и исповѣдниковъ расло въ огромной прогрессіи. Приходилось исповѣдывать уже ежедневно не однихъ больныхъ, но и здоровыхъ, притомъ не единицами, а сотнями... Но о. Іоаннъ не отступилъ отъ своихъ правилъ и не перешелъ на формальную исповѣдь по шаблону, за то ему пришлось отказаться отъ отдѣльнаго исповѣданія и учить всѣхъ сообща, цѣлою толпою. Отдѣльная исповѣдь осталась только для особо исключительныхъ случаевъ, когда кающійся имѣетъ надобность говорить съ духовнымъ отцомъ наединѣ...

Затѣмъ еще одна особенность исповѣди о. Іоанна. Онъ не требуетъ „говѣнія“ въ общепринятомъ смыслѣ, т. е. одной *недѣли* строгаго поста, частой молитвы и и т. п. *Недѣля*... А *до* и *послѣ* этой недѣли?

Исповѣдникамъ не ведется записей и регистратуры; отъ нихъ не требуется никакихъ другихъ обѣтовъ и формальностей, кромѣ:

— Каюсь и проклинаю свою прошлую грѣховную жизнь. Твердо рѣшаюсь жить по Евангелію и постараюсь добрыми дѣлами загладить свои прежніе грѣхи.

Къ исповѣдникамъ онъ обращается:

„Кто изъ васъ, друзья мои, желаетъ покаяться предъ Господомъ и причаститься Святыхъ Тайнъ, предупреждаю: приготовились-ли вы къ воспринятію столь великаго таинства? Знайте, что великій отвѣтъ я несу предъ Престоломъ Всевышняго, если вы приступите не при-

готовившись. Знайте, что вы каетесь не мнѣ, а Самому Господу, Который невидимо присутствуетъ здѣсь, Тѣло и Кровь Котораго находится въ эту минуту на жертвенникѣ... Приготовились-ли вы?“

Мы уже говорили, что число исповѣдниковъ о. Іоанна растетъ съ каждымъ годомъ. Среди нихъ есть такіе, которые одинъ только разъ въ жизни исповѣдались у кронштадтскаго пастыря и, почитая его своимъ духовнымъ отцомъ, прося заочно его молитвъ, принуждены исповѣдываться у другихъ священниковъ; таковы харьковскіе, московскіе, архангельскіе и др. отдаленные жители; поѣздки въ Кронштадтъ для нихъ сопряжены часто съ непреодолимыми препятствіями и хотя они считаютъ о. Іоанна своимъ духовнымъ отцомъ, но принуждены ограничиваться письменными сношеніями. Затѣмъ, другая категорія исповѣдниковъ, которые непремѣнно каждый Великій постъ пріѣзжаютъ говѣть въ Кронштадтъ. Такихъ больше всего. Иногда по пятницамъ о. Іоанну приходится исповѣдывать съ 4 ч. утра до 11—12 ч. ночи и все-таки кончить общей исповѣдью, потому что нѣтъ физической возможности побесѣдовать съ каждымъ въ отдѣльности. Наконецъ есть такіе, которые ежемѣсячно, даже чаще, круглый годъ исповѣдываются у о. Іоанна. Ихъ нѣсколько сотъ человѣкъ, но преимущественно или петербургскіе или кронштадскіе жители.

Относительно исповѣди о. Іоаннъ въ своемъ „Дневникѣ“ замѣчаетъ:

„Весьма многіе приходятъ на духъ съ совершеннымъ равнодушіемъ и, если-бы у нихъ не спросили ничего, то они ничего-бы не сказали, или сказали только во-

обще, что-де грѣшенъ, отецъ духовный, во всѣхъ грѣхахъ. И если-бы еще это сказали съ сердечнымъ сознаніемъ своей вины,—нѣтъ, то и горе, что безъ сознанія грѣховъ своихъ, а такъ—чтобы скорѣе кончить дѣло. Возлюбленные! не будемъ дѣло крайняго милосердія Божія къ намъ грѣшнымъ обращать въ поводъ къ гнѣву Божію. Что мы за безчувственные такіе! Намъ-ли не о чемъ поскорбѣть на исповѣди! мало-ли у насъ грѣховъ: если-бы мы и всю жизнь свою стали плакать о грѣхахъ своихъ, — и тогда-бы не сдѣлали ничего лишняго, а только должное".

Въ томъ же „Дневникѣ" самъ онъ исповѣдуется.

„Много разъ я, смиренный и грѣшный, прогонялъ отъ себя невидимыхъ злодѣевъ. Если страсть какая достигнетъ моего сердца, я тотчасъ-же обращу мысленно взоръ ко Христу, и съ живою вѣрою изображу на себѣ знаменіе креста: страсть тотчасъ исчезнетъ и внутренній огонь, неразлучный спутникъ всякой страсти, также исчезнетъ. Но, и тогда, увы! страсти увлекаютъ меня на нѣкоторое время и только муки ихъ внутренно претерпѣваемыя, заставляютъ меня искренно обратиться ко Христу и животворящему его кресту. Такъ крестъ, возлюбленные, — побѣда моя надъ невидимыми врагами. Куда не могу проникнуть я для прогнанія ихъ, туда проникаетъ мой Христосъ въ образѣ креста Своего и за меня совершаетъ желаемую побѣду. Дивенъ во мнѣ Господь, дивенъ Его крестъ животворящій! Сила Божія въ немощи моей совершается".

И далѣе бодритъ себя и молится.

— „Врагъ ежедневно гонитъ мою вѣру, надежду и любовь. — Гонятъ тебя, моя вѣра! Гонятъ тебя, моя-

надежда! Гонятъ тебя, моя любовь! Терпи вѣра, терпи надежда, терпи любовь! Мужайся вѣра, мужайся надежда, мужайся любовь!—Богъ вашъ поборникъ!—Не ослабѣвай вѣра, не ослабѣвай надежда, не ослабѣвай любовь!"

— „Боже мой! Моему взору представляется безконечность благъ, обѣщанныхъ христіанамъ, и въ то же время — безконечная невнимательность христіанъ, попирающихъ Кровь Завѣта, нерадящихъ о Таинствѣ спасенія. Но да даруетъ же мнѣ Господь уста и премудрость, да возглаголю я огненными языками, да вожжещу огнь упованія, Господу поспѣшествующу, въ сердцахъ хладныхъ!!."

— „Плѣни меня, Владыко, въ сладкій плѣнъ Духа Твоего Святаго, да яко потоки югомъ, потекутъ слова мои въ славу Твою и во спасеніе людей Твоихъ! Дарую мнѣ это сладкое и могущественное внутреннее побужденіе — излагать свободно на хартіи полноту духовныхъ видѣній и чувствъ! Да будетъ языкъ мой тростію книжника-скорописца — Духа Всесвятаго!..„

— „Утверди, Боже, укрѣпи, Боже, помоги, Боже!.. О, Господи, спаси же! О, Господи, поспѣши же!..

ГЛАВА IV.

Дневникъ, поученія и молитвы отца Іоанна.

Да возглаголю я огненными языками
Да вожжещу огнь въ сердцахъ хладныхъ!
(Изъ поуч. о. Іоанна).

„Дневникъ" о. Іоанна — это одинъ изъ удивительнѣйшихъ дневниковъ когда либо веденныхъ человѣкомъ. Почтенный пастырь ведетъ его въ теченіе всей своей

37 лѣтней пастырской дѣятельности. Онъ ничего не говоритъ въ немъ лично о себѣ. Языкъ этого „Дневника“ оригиналенъ, образенъ, исполненъ зачастую тѣхъ полутемныхъ намековъ, которые всякій вѣрующій схватываетъ съ жадностью на лету и которые для невѣрующаго всегда останутся однѣми ненужными загадками. Къ чтенію этого „Дневника“, какъ къ произведенію духовно-тонкому, рожденному изъ глубочайшаго тайника человѣческаго сердца, должно приступать съ душой открытой и настроеніемъ глубокимъ, дабы между пишущимъ и читающимъ, сразу образовалось глубокое сочувствіе, иначе эти страницы ничего не скажутъ сердцу.

Но что же такое этотъ „Дневникъ?“

„Дневникъ“ этотъ есть нескончаемый рядъ отрывковъ, большихъ и малыхъ, часто всего въ нѣсколько строкъ, очевидно записанныхъ наскоро и разновременно и отражающихъ, какъ въ зеркалѣ рѣки, солнце и тѣни мятущейся души Іоанновой. Иногда это цѣлыя молитвы, иногда это священные громы негодованія на людскую нечисть; въ одномъ мѣстѣ видится вдохновенный слѣдъ религіознаго экстаза, въ другомъ — прямо слышится вопль измученнаго и скорбящаго сердца. Въ общемъ, эти бѣглыя, нервныя, мѣстами недоговоренныя или растянутыя строки, сверкающія тамъ и здѣсь, какъ драгоцѣнными перлами, проникновенными мыслями, блестками поэзіи и духовными озареніями, производятъ впечатлѣніе огромное и неотразимое.

Самъ о. Іоаннъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ значеніе и характеръ своего „Дневника“. „Сила Моя въ немощи совершается, говоритъ Господь, и гдѣ умножился грѣхъ, тамъ преизбыточествуетъ благодать, го-

воритъ великій Апостолъ. Эта сила и эта благодать Господня и во мнѣ немощномъ и грѣшномъ воспреизбыточествовали во всѣ дни жизни моей, съ ранней юности до настоящихъ дней, и проявлялись осязательно въ чудномъ озареніи души моей свѣтомъ покаянія и молитвы, въ умиленіи сердца и чистыхъ, горячихъ, животворныхъ и сладкихъ слезахъ, скверну сердца очищающихъ. Я старался всегда совершать домашнее и общественное Богослуженіе съ яснымъ и глубокимъ пониманіемъ его смысла, съ сильнымъ и горячимъ чувствомъ, съ миромъ въ душѣ. Но есть сильные враги молитвы: это, во-первыхъ, наши страсти житейскія и начальства и власти тьмы, духи злобы поднебесной, о коихъ Апостолъ говоритъ въ своемъ посланіи: „наша браня не съ плотію и кровію, но съ начальствами и властями тьмы, съ духами злобы поднебесными". Съ этими всезлобными врагами молитвы всякой правды мнѣ и приходилось вести неравную, упорную и жестокую борьбу на животъ и на смерть съ самаго начала моего священническаго служенія, потому что священникъ, по самому сану своему и званію, есть Божій ратоборецъ, облеченный во всооружіе Божіе для непрестанной, невидимой брани съ невидимыми легіонами злыхъ духовъ, нападающихъ рано и поздно на оруженника Христовой вѣры съ пламенными стрѣлами злобы своей, съ тонкостію, хитростію, быстротою и силою многовѣковой своей падшей духовной сильной природы. Но такъ какъ священникъ есть также падшій, грѣшный, многострастный, легкоуязвимый съ разныхъ сторонъ своей внутренней жизни и въ этомъ заключается слабая его сторона или слабыя его стороны при веденіи духовной борьбы съ

міродержателями тьмы вѣка сего, то я съ самаго начала моего священнослуженія долженъ былъ усиленно молиться Господу силъ, какъ и теперь молюсь, да научитъ Онъ, всеблагій, руки мои на ополченіе и персты мои на брань, невидимую, упорную, ожесточенную брань. И я не оставленъ безпомощнымъ въ этой спасительной брани: я возводилъ очи мои, полныя слезъ, къ небу, откуда всегда приходила мнѣ помощь, хоть часто, не вдругъ и не скоро, по причинѣ бывшей неопытности въ искушеніяхъ на молитвѣ. При непрестанныхъ внутреннихъ искушеніяхъ я долженъ былъ постоянно обращать душевное око мое внутрь себя, чтобы усматривать нападенія невидимыхъ враговъ, и такимъ образомъ пріучилъ себя почти къ непрестанному духовному созерцанію и тайной молитвѣ и всегдашнему благодаренію Господа за ниспосылаемую мнѣ помощь въ духовной войнѣ; ибо съ помощію Божіею я всегда, въ концѣ концовъ, выходилъ побѣдителемъ изъ нея, хотя при началѣ моего служенія бывалъ часто побѣждаемъ коварствомъ и хитростію безплотныхъ враговъ. При такомъ характерѣ моей внутренней жизни Господь сподоблялъ меня часто чудныхъ, внутреннихъ озареній и свѣтлыхъ мыслей, касательно молитвы вообще и разныхъ предметовъ вѣры и жизни христіанской; и я старался не пропускать ихъ безъ особеннаго вниманія и записывалъ ихъ въ свой дневникъ. Такимъ образомъ, составилось въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, много рукописныхъ замѣтокъ моихъ объ этихъ предметахъ, которыя я осмѣливаюсь продложить, въ извлеченіи, вниманію почтенной публики. Это — самыя бѣглыя, летучія замѣтки, писанныя на всякомъ мѣстѣ, то карандашомъ, то черни-

лами. Прошу не взыскивать за то, что было писано для себя, а не на показъ кому либо".

Поученія о. Іоанна, его молитвы, проповѣди, мысли, совѣты и т. п., какъ и его „Дневникъ", представляютъ изумительно много глубокаго смысла, добраго духа и крѣпкой одушевленной вѣры, такъ что каждое слово этого истиннаго пастыря можетъ сдѣлаться всегда и вездѣ поучительнымъ и назидательнымъ для всякаго православнаго христіанина. Во всѣхъ этихъ поученіяхъ, проповѣдяхъ и мысляхъ богато одаренная Богомъ природа о. Іоанна проявляется во всей своей силѣ и чистотѣ.

Познакомимъ же читателей съ этими избранными молитвами, проповѣдями, изреченіями и мыслями о. Іоанна, извлеченными по большой части изъ его „Дневника", *) а также и изъ его устныхъ поученій.

Въ „Дневникѣ о. Іоаннъ по поводу молитвы говоритъ:

Молитвою часто называютъ то, что вовсе не есть молитва, — сходилъ въ церковь, постоялъ, посмотрѣлъ на иконы, или прежде на людей, на ихъ лица, наряды, говоритъ: помолился Богу; постоялъ дома предъ иконою, покивалъ головою, проговорилъ заученныя слова безъ пониманія и сочувствія, говоритъ: помолился Богу, хотя мыслями и сердцемъ вовсе не молился, а былъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ съ другими лицами и вещами, а не съ Богомъ.

И объясняетъ, какъ онъ молится:

1. Я молюсь иногда въ церкви о людяхъ Божіихъ

*) „Дневникъ" о. Іоанна печатается въ духовномъ журналѣ „Паломникъ", за 1891 годъ, начиная съ № 1-го.

такъ: Вотъ, многіе изъ предстоящихъ въ храмѣ Твоемъ стоятъ праздны душами своими, какъ сосуды праздные, и о чесомъ помолиться, якоже подобаетъ, не вѣдятъ; исполни Ты ихъ сердца нынѣ, въ это время для нихъ благопріятное, въ этотъ день спасенія, благодатію Всесвятаго Духа Твоего, и даруй ихъ мнѣ, молитвѣ моей, любви моей, исполненныхъ познаніемъ благостыни Твоей и сокрушенія и умиленія сердечнаго, какъ наполненные сосуды; даруй имъ Духа Святаго Твоего, ходатайствующаго въ нихъ воздыханіи неизглаголанными. Я самъ, пастырь, грѣшенъ и нечистъ паче всякаго человѣка, но не призри на грѣхи мои, Владыко, а призри ихъ по великой милости Твоей, и молитву мою, ради благодати Священства, на мнѣ лежащей и во мнѣ пребывающей, услыши въ часъ сей; да не будетъ во мнѣ, Господи, праздна благодать Священства, но да горитъ она во мнѣ всегда вѣрою, надеждою, любовью и сыновнимъ дерзновеніемъ молитвы о людяхъ Твоихъ.

2. Владыко! слезную молитву мою о духовныхъ чадахъ моихъ и всѣхъ благоугождающихъ Тебѣ христіанахъ православныхъ, пріими за самое попеченіе мое объ ихъ спасеніи, за мою заботу пастырскую! Будь, по молитвѣ моей, Самъ Ты для нихъ и гласомъ, и трубою, пробуждающею отъ сна грѣховнаго, и окомъ, надзирающимъ за ихъ сердцами, и рукою, подкрѣпляющею ихъ на пути къ горнему отечеству и возставляющею падающихъ отъ маловѣрія, малодушія и унынія, и любовію материнскою, которою скуденъ я, нѣжно заботящійся о ихъ истинномъ благѣ; буди имъ вся, да всяко нѣкія спасеши. Ты бо Единъ еси воистину Пастырь, самыя души человѣческія невидимо и сокровенно пасу-

щій, Ты единый истинный и премудрый Учитель, глаголящій въ самыя сердца людей Твоихъ; Ты еси единъ истинный Любитель Своихъ созданій и чадъ по благодати; у Тебя и Премудрости и Всемогущества бездна. — Ты единъ присно Бодрый и Неусыпающій и въ самомъ снѣ насъ поучающій путямъ Твоимъ. — Буди убо Ты, Владыко, вмѣсто меня пастырь и учитель ввѣреннымъ отъ Тебя мнѣ овцамъ Твоимъ; Самъ води ихъ на пажити злачныя; Самъ охраняй ихъ отъ волковъ духовныхъ и плотскихъ. — Самъ направи ноги ихъ на путь истины, правды и мира. Буди вмѣсто меня для нихъ и свѣтомъ, и окомъ, и устами, и рукою, и премудростью, паче же всего любовію, ею же скуденъ азъ многогрѣшный.

3. Господи! имя Тебѣ — Любовь: не отвергни меня заблуждающаго человѣка. Имя Тебѣ — Сила: подкрѣпи меня изнемогающаго и падающаго. Имя тебѣ — Свѣтъ: просвѣти мою душу, омраченную житейскими страстьми. Имя Тебѣ — Миръ: умири мятущуюся душу мою. Имя Тебѣ — Милость: не переставай миловать меня.

Проповѣдь о св. Троицѣ. Съ Божьею помощью мы будемъ излагать вамъ, братія, самое главное ученіе въ нашей вѣрѣ — догматъ о св. Троицѣ. Хотя есть между нами хорошо знающіе это ученіе, которые *не требуютъ, да кто учитъ ихъ,* но такихъ очень немного: несравненно больше знающихъ нехорошо; а служитель св. алтаря долженъ всѣмъ передать ученіе вѣры ясное и отчетливое, да и для хорошо знающихъ не лишнее дѣло — повторять въ памяти знакомое имъ ученіе вѣры, какъ не лишнее дѣло — постоянно видѣть глаза-

ми свѣтъ или вдыхать и выдыхать воздухъ, потому что наше ученіе еще нужнѣе, чѣмъ видимый свѣтъ и воздухъ. Памятовать о Богѣ, говоритъ св. Григорій Богословъ, необходимѣе, чѣмъ дышать."

„Итакъ, для всѣхъ необходимо нужно ученіе о Богѣ. Поэтому мы и будемъ говорить такъ, какъ будто, бы здѣсь всѣ были равны по степени знанія. Но, прежде чѣмъ будемъ излагать рѣчь о начальной, царственной и блаженной Троицѣ, мы скажемъ братіи нѣсколько словъ о важности и непостижимости этого ученія и о смиренной простотѣ вѣры, съ какою нужно слушать его".

„Ученіе о Пресвятой Троицѣ такъ важно, что въ вѣрѣ христіанской нѣтъ важнѣе и возвышеннѣе этого ученія; а всѣ другія знанія человѣческія, относящіяся къ земной жизни нашей и не касающіяся вѣры, если взять ихъ вмѣстѣ, — въ сравненіи съ познаніемъ единаго Бога, въ Троицѣ поклоняемаго, — то же, что едва замѣтная точка, потому что Богъ есть источникъ всякой премудрости и знанія и познаніе Бога во Св. Троицѣ есть жизнь вѣчная для разумныхъ тварей. Безъ исповѣданія Пресвятой Троицы нѣтъ христіанства".

Проповѣдь о Таинствахъ. „Гдѣ нѣтъ тайнъ? Человѣкъ самъ для себя — и въ душѣ своей, и въ самомъ тѣлѣ—есть тайна. Кто удовлетворительно объяснилъ, напримѣръ: какъ соединена душа человѣческая съ тѣломъ, какъ они взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, какъ сонъ возстановляетъ силы человѣка и пр.? Значитъ, прежде всего человѣкъ долженъ вѣрить своимъ собственнымъ тайнамъ. Есть безчисленное множество тайнъ и въ окружающей насъ природѣ: человѣкъ такъ

мало знаетъ въ сравненіи съ тѣмъ, чего еще не знаетъ, — не смотря на успѣхи естественныхъ наукъ, — что каждый изъ насъ смиренно должень сознаться вмѣстѣ съ однимъ изъ древнихъ мудрецовъ въ томъ, что ничего не знаемъ.

Человѣкъ долженъ изучать слово Божіе. Не знать, какъ должно, Пребожественной Троицы со стороны христіанина было бы и безумною дерзостью, и неблагодарностью. Всякій подданный знаетъ, хотя по имени, своего царя, знаетъ о его державѣ, власти и силѣ, благоговѣетъ предъ его особою; облагодѣтельствованный часто и съ удовольствіемъ вспоминаетъ и говоритъ о своемъ благодѣтелѣ. Даже волъ знаетъ владѣющаго имъ и оселъ — ясли господина своего. Какже намъ не знать, что надъ всѣми людьми и надъ всѣмъ міромъ—держава, царство, сила и слава Отца и Сына и Св. Духа? Какъ человѣку, получившему отъ Св. Троицы всѣ дары, начиная съ жизни до струи воздуха, имъ вдыхаемаго, не вспоминать часто и съ должнымъ благоговѣніемъ о Тріединомъ Благодѣтелѣ своемъ?“

Изъ поученій.

1. Сознаю высоту сана и соединенныхъ съ нимъ обязанностей, обращается онъ къ прихожанамъ въ первый день своего служенія литургіи въ Андреевскомъ Кронштадтскомъ соборѣ; чувствую свою немощь и недостоинство, но уповаю на благодати и милость Божію, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую. Знаю, что можетъ сдѣлать меня болѣе или менѣе достойнымъ этого сана и способнымъ проходить это званіе. Это—любовь ко Христу и къ вамъ, возлюбленные братья мои. Любовь — великая сила, продолжаетъ

онъ, она и немощнаго дѣлаетъ сильнымъ и малаго великимъ. Да дастъ и мнѣ любвеобильный ко всѣмъ Господь искру этой любви, да воспламенитъ ее ко мнѣ Духомъ Своимъ Святымъ. Прошу о семъ вашихъ молитвъ.

2. Мы видимъ, что современный человѣкъ упалъ крайне глубоко, весь погрузился въ чувственность, связалъ всего себя житейскими страстями и чувственными удовольствіями, извратилъ порядокъ жизни, указанный Творцемъ, и, такимъ образомъ, не только не слѣдуетъ Божественному плану спасенія нашего, но, на сколько этотъ планъ касается его, разрушаетъ оный. Посмотрите со вниманіемъ на жизнь современнаго человѣка, какъ она неестественна, какъ нехристіански препровождается. Посмотрите, какъ онъ извратилъ самыя наслажденія чувственныя! Для обонянія и вкуса и отчасти для самаго дыханія онъ изобрѣлъ и воскуряетъ острый, пахучій дымъ, принося это, какъ бы постоянное кадило, демону, живущему во плоти, заражаетъ этимъ дымомъ воздухъ жилища своего и воздухъ внѣшній. Чрево стало идоломъ: постовъ многіе совсѣмъ не держатъ, считая ихъ тягостными; пированіе и пьянство сдѣлались явленіями постоянными; деньги стали положительно современнымъ кумиромъ, и для легкаго пріобрѣтенія ихъ люди не пренебрегаютъ никакими средствами, какъ бы они ни были неблагородно-нечестны; всѣ помыслы, работы, забавы, въ томъ числѣ и игры, словомъ, удовольствія, искательства, намѣренія, предпріятія, даже ученія направлены къ землѣ; о небѣ, о небесномъ званіи, о небесномъ ученіи и житіи во многихъ домахъ нѣтъ и помину. Человѣкъ-христіанинъ,

гдѣ ты? Какъ ты глубоко ниспалъ. Въ какую ты тьму зашелъ самъ добровольно?

3. Молящійся! Имя Господа, или Богоматери, или Ангела, или Святаго, да будетъ тебѣ вмѣсто Самого Господа, Богоматери, Ангела и Святаго; близость слова твоего къ твоему сердцу да будетъ залогомъ и показаніемъ близости къ твоему сердцу Самого Господа, Пречистой Дѣвы, Ангела или Святаго.—Имя Господа есть Самъ Господь—Духъ вездѣ сый и все наполняющій, имя Богоматери есть Сама Богоматерь, имя Ангела—Ангелъ, Святаго—Святый.—Какъ это? Не понимаешь? — Вотъ какъ: тебя, положимъ, зовутъ Иванъ Ильичъ. Если тебя назовутъ этими именами, вѣдь ты признаешь себя всего въ нихъ и отзовешься на нихъ, значитъ согласишься, что имя твое—ты самъ съ душою и тѣломъ, — такъ и Святые: призови ихъ имя, ты призовешь ихъ самихъ. Но у нихъ, скажешь, нѣтъ тѣла. Что же изъ этого? Тѣло только вещественная оболочка души, домъ ея, —а самъ человѣкъ, сущность человѣка, или внутренній человѣкъ его, есть душа. Когда и тебя зовутъ по имени, не тѣло твое отзывается, а душа твоя, посредствомъ тѣлеснаго органа.

4. Отчего міръ гонитъ истинную вѣру, благочестіе, правду, которыя столь благотворны для людей, внося въ разрозненныя общества человѣческія — единство, взаимную любовь, добрые нравы, миръ, порядокъ? Оттого, что *міръ весь во злѣ лежитъ* (Іоан. 5, 19), люди *возлюбили злобу паче благостыни* (Псал. 51, 5) и князь міра сего, діаволъ, дѣйствующій въ сынахъ противленія, ненавидитъ правду адскою ненавистью и гонитъ

ее, такъ какъ она служитъ обличеніемъ неправды, колетъ ей глаза, стѣсняетъ ее.

5. Для чего сошелъ Сынъ Божій на землю? — Для того, чтобы спасти насъ, для возстановленія въ насъ падшаго образа Божія, Сынъ Божій сталъ Сыномъ человѣческимъ... для того, чтобы насъ сдѣлать сынами Божіими изъ чадъ гнѣва и погибели. О, неизреченная любовь Божія! о, несказанныя щедроты Господни!— Онъ Преблагій сдѣлалъ это: Онъ освободилъ человѣчество въ избранныхъ Своихъ, очистилъ отъ всякой скверны плоти и духа, освятилъ, прославилъ, возвелъ отъ тлѣнія къ жизни вѣчной, удостоилъ блаженнаго предстоянія страшному Престолу Славы Своей.

6. Есть-ли и теперь поношенія и гоненія за правду, за вѣру Христову? Есть, и будутъ до скончанія міра, потому что не пришло еще Царствіе Божіе во всей силѣ для многихъ, а для большей части еще совсѣмъ не пришло. Еще много нечестія и неправды въ самымъ христіанскихъ обществахъ, еще не связанъ сатана и свободно обходитъ землю: теперь-то, кажется, онъ наиболѣе свирѣпствуетъ на держащихся правой вѣры. Только теперь онъ гонитъ не пытками, не кознями, а невѣріемъ, мнимымъ прогрессомъ, либеральностію и т. д. Благочестивыхъ людей нынѣ обзываютъ именами ханжей, рутинеровъ, людей отсталыхъ, съ узкими взглядами; вѣру христіанскую называютъ вѣрою черни; христіанскую сострадательность—слабодушіемъ и нервною раздражительностью; милостыню — глупою расточительностью; наружную молитву — лицемѣріемъ; услажденіе и радость молитвенную—идіотствомъ, едва не сумасшествіемъ. Напротивъ, широкую разнузданность

плоти и угожденіе всѣмъ ея безчисленнымъ похотямъ— современнымъ прогрессомъ.

7. Однажды навсегда знай, что въ церкви, во всѣхъ ея службахъ, таинствахъ и молитвословіяхъ дышетъ духъ святыни, духъ мира, духъ жизни и спасенія, а это свойственно только Духу Святому. Святыя помышленія, или слова жизни и истины, легко отличить отъ помысловъ и словъ лжи и смерти; первыя приносятъ въ душу миръ и жизнь; послѣднія — томленіе, безпокойство, смерть духовную. — Мудрованіе плотское— смерть есть; а мудрованіе духовное—животъ и миръ.

8. Что тебѣ за польза отъ лакомой пищи и напитковъ, какъ тебѣ не стыдно обременять себя ими? Зачѣмъ ты отдаешь себя во власть чувственности? Или тебѣ это пріятно? Смотри: мнимая сладость твоихъ удовольствій — есть опасная приманка плоти. Бойся этой приманки; если хочешь быть съ Богомъ, если хочешь быть вѣчно благополучнымъ, то ты долженъ согласиться, что тебѣ надобно попоститься душою своею, собрать свой умъ, помышленія исправить, мысли очистить, вмѣсто рубища дѣлъ неправедныхъ украсить себя драгоцѣнною одеждою добрыхъ дѣлъ. Тѣлесный постъ установленъ для того, чтобы легче было поститься душѣ.

Изреченія, мысли, совѣты и проч.

— Сначала исправь свою жизнь, а потомъ приступай къ Св. Дарамъ.

— Я — немощь, нищета, Богъ — сила моя. Это убѣжденіе есть высокая мудрость моя, дѣлающая меня блаженнымъ.

— Если какая-нибудь мысль—жизнь для сердца, то

она истина; если — томленіе, смерть сердца, то она ложь.

— Какъ хорошо побѣждать страсти! Послѣ побѣды чувствуешь легкоту на сердцѣ, миръ и величіе духа.

— Какъ комнатный воздухъ имѣетъ тождество съ внѣшнимъ и отъ него происходитъ, какъ онъ необходимо предполагаетъ наружный, всюду разлитый воздухъ, такъ и душа наша — дыханіе Духа Божія предполагаетъ существованіе вездѣсущаго и вся исполняющаго Духа Божія. Параллель между храминами вещественными и храминами духовными.

— Такъ какъ Богъ есть мысленное Существо, то чрезвычайно скоро можно потерять Его изъ сердца; равно какъ скоро же можно рѣшительнымъ покаяніемъ во грѣхахъ пріобрѣсть Его сердцу.

— Таланты, данные каждому изъ насъ Богомъ для общаго блага, а не для угожденія только нашему собственному самолюбію, развѣ не побуждаютъ насъ къ услугѣ нашимъ собратіямъ въ ихъ нуждѣ? Тебѣ оставленъ нищій... хотя ты и слишкомъ надменно проходишь мимо него. Вразумись чужими бѣдами. Дай хотя самую малость бѣдному: и то не будетъ малостью для того, кто нуждается,—и для Самого Бога, если подаяніе будетъ по силѣ.

— Если все твое благо будетъ общимъ съ ближнимъ, то все Божіе будетъ съ тобою. „Аще же хощете, просите, и будетъ вамъ Моя вся Твоя суть, Твоя—Моя“.

— Всячески почитай лики человѣковъ живыхъ, да почитаешь, какъ должно, ликъ Божій. Ибо ликъ Господа Іисуса Христа есть ликъ человѣческій.—Неуважающій лика человѣческаго, не уважитъ и лика Божія.

— Забуду-ли я Тебя, Господи, Невидимый, Непостижимый Господи, исполняющій присно сердце мое жизнію, свѣтомъ, миромъ, радостію, силою, терпѣніемъ, Тебя, Который бываешь для меня всякимъ благомъ въ моей жизни и Единъ составляешь жизнь мою?—О! не дай мнѣ забыть Тебя!

— Чистое сердце есть обильный источникъ спокойствія и всегдашней радости: при взглядѣ на все доброе, на всякое твореніе Божіе, чистый сердцемъ и радуется, и веселится внутренно, потому что во всѣхъ тваряхъ усматриваетъ отпечатокъ благости, премудрости и всемогущества Творца; блаженъ онъ и самъ въ себѣ, ибо и чистота сердца и вообще чувствуемая настоящая милость Божія веселитъ его, и еще болѣе утѣшаютъ его будущія обѣтованныя блага, *„ихъ же око не видѣ и ухо не слыша“*.

— Иконы требуются нашею природою. Можетъ-ли природа наша обойтись безъ образа? Можно-ли вспомнить объ отсутствующемъ, не вообразивъ его? Не Самъ-ли Богъ далъ намъ способность воображенія?—Иконы—отвѣтъ Церкви на вопіющую потребность нашей природы.

— Молитва постоянное чувство своей духовной нищеты и немощи, созерцаніе въ себѣ, въ людяхъ и въ природѣ дѣлъ премудрости, благости и всемогущей славы Божіей, молитва—постоянно благодарственное настроеніе.

— Когда врагъ приразится къ сердцу сомнѣніемъ въ какомъ-либо Словѣ спасителя и уязвитъ тебя, скажи ему внутренно: каждое Слово Бога моего Іисуса

Христа есть жизнь для меня и ядъ сомнѣнія извергнется изъ сердца, и спокойно и легко будетъ на душѣ.

— Дивное дѣло! когда сердце посредствомъ живой вѣры соединено съ жизненнымъ началомъ — Духомъ Святымъ, тогда оно покойно, пространно и мысль тогда свободна и свѣтла, и языкъ свободенъ и плавно ровенъ; но лишь только мысленно пожалѣетъ человѣкъ въ это время для брата своего чего нибудь вещественнаго, напримѣръ: пищи, денегъ, вспомнивши о какомъ нибудь братѣ, ищущемъ его пищи, сердце его мгновенно поражается духовной апоплексіей, бываетъ связано, удручено; мысль также связывается вслѣдствіе пораженія сердца—источника мысли и темнѣетъ, языкъ —тоже, кровь принимаетъ усиленное обращеніе и дѣлаются приливы въ головѣ, весь человѣкъ бываетъ въ стѣснительномъ, ненормальномъ положеніи.—Такъ достойно наказывается пренебреженіе наше къ духовной сторонѣ нашего брата; такъ достойно наказывается привязанность наша къ вещественности! Слава правдѣ Твоей, Господи!

— Каждому истинно нуждающемуся должно оказывать милость. Но при этомъ должно помогать не по тщеславію и самолюбію, не изъ желанія благодарности и вознагражденія, но безкорыстно изъ угожденія Богу и изъ любви къ ближнему. Милостыня, зараженная болѣзнію тщеславія, не есть уже дѣло милосердія. И такъ, если кто даетъ не съ расположеніемъ усердія, тотъ лучше не давай.

— Когда молишься, вѣруй твердо, что Господь присущѣ каждому слову молитвы, и о чемъ ни попросишь,

Онъ есть исполненіе, для тебя и для всякаго другого, каждаго прошенія твоего.

— Надо умѣть господствовать надъ своимъ сердцемъ въ минуту оскорбленія, подавлять въ себѣ гнѣвъ и неудовольствіе въ самомъ началѣ. Укорилъ кто тебя? А ты благословляй. Билъ? А ты терпи. Презираетъ и за ничто почитаетъ онъ тебя? А ты приведи себѣ на мысль, что изъ земли ты составленъ и въ землю опять разрѣшишься. Кто ограждаетъ себя такими разсужденіями, тотъ найдетъ, что всякое безчестіе меньше дѣйствительности.

— Какое имя Богу нашему?—Любовь, Благость, Человѣколюбіе, Щедроты. Когда молишься, зри сердечными очами, что предъ тобою стоитъ Любовь и Благость, что тебѣ внимаетъ Человѣколюбецъ.

— „Ты бо реклъ еси Господи: хотѣніемъ не хощу смерти грѣшника, но яко еже обратитися, и живу быти ему; и яко седмьдесятъ седмерицею оставляти грѣхи“...

— „Господи Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, пастырю и агнче, вземляй грѣхъ міра, иже заимованія даровавый двѣма должникома и грѣшницѣ давый оставленіе грѣховъ ея; самъ Владыко ослаби, остави, прости грѣхи“...

— Познай всякій христіанинъ лесть діавольскую, лежащую на всемъ мірскомъ и тлѣнномъ, отвращающую насъ подъ разными благовидными предлогами отъ любви къ ближнему яко же къ себѣ самому.

— Чего не въ силахъ сдѣлать мы, то силенъ сдѣлать Богъ, который и звѣрское сердце можетъ сдѣлать агнчимъ“. Кто позналъ всю важность мира въ жизни

человѣка—церковной, гражданской, семейной, естественной и благодатной, и крайній вредъ несогласія и раздора, отъ которыхъ все приходитъ въ разстройство, тотъ всѣми мѣрами будетъ стараться и самъ поступать со всѣми согласно и будетъ содѣйствовать сохраненію мира и согласія и между людьми: *„въ миръ бо призва насъ Господь“*.

— Всемогущая сила Божія, сущая и дѣйствующая во всемъ мірѣ, сосредоточивается, подобно тому, какъ солнечные лучи собираются въ фокусѣ или въ стеклѣ, въ святыхъ иконахъ. Сосредоточеніе Силы Божіей особенно бываетъ въ разумномъ образѣ Божества—въ человѣкѣ, именно въ сердцѣ его, исполненномъ вѣры, надежды и любви, какъ въ фокусѣ; въ немъ-то отражается свѣтомъ Своимъ Солнце Правды, Тріѵпостасный Богъ нашъ съ обиліемъ даровъ Своихъ по мѣрѣ вѣры каждаго,—согрѣвая и освѣщая душу каждаго.

— Когда молишься Небеснымъ Силамъ, не представляй ихъ очень грозными.

— Не вѣрь плоти своей, угрожающей тебѣ несостоятельностью во время молитвы: лжетъ. Станешь молиться—увидишь, что плоть сдѣлается покорною твоею рабою... Помни, что плоть лжива!

— Какъ близка къ тебѣ твоя мысль, какъ близка вѣра къ твоему сердцу, такъ близокъ къ тебѣ Богъ, и чѣмъ живѣе и тверже мысль о Богѣ, чѣмъ живѣе вѣра и познаніе своей немощи и ничтожества и чувство нужды въ Богѣ, тѣмъ Онъ ближе. Или, какъ близокъ воздухъ къ тѣлу и къ внутренностямъ его, такъ близокъ Богъ. Ибо Богъ, такъ сказать, мысленный воздухъ, которымъ дышатъ всѣ Ангелы, души Святыхъ и

души людей живущихъ, особенно благочестивыхъ. Ты не можешь жить безъ Бога ни минуты, и дѣйствительно каждую минуту живешь Имъ: о Немъ же бо живемъ и движемся и существуемъ.

Извлеченія эти — одна незначительная часть всего того, что написано о. Іоанномъ въ его „Дневникѣ“ и что сказано имъ въ разное время въ поученіе народа православнаго. Но и этого достаточно, чтобы судить о той высотѣ, на которую сталъ смиренный пастырь, благодаря своей силѣ вѣры.

Приведемъ теперь двѣ рѣчи о. Іоанна, сказанныя имъ въ дни своего 25-ти лѣтняго и 35-ти пятилѣтняго юбилеевъ—въ 1880 г. и въ 1890 г. въ Декабрѣ мѣсяцѣ. Рѣчи эти, краткія и сильныя, заслуживаютъ особеннаго вниманія.

1880 года.

„*Сила Божія въ немощи совершается*,—и она дивно совершалась во мнѣ впродолженіе 25-лѣтняго священствованія моего, и, дерзну сказать,—ибо скажу истину,—черезъ меня совершалась во многихъ, въ простотѣ вѣрующихъ, очевиднымъ, осязательнымъ образомъ. Слава благодати! Слава Господу Іисусу Христу, *даровавшему намъ благодать на благодать* (Іоан. 1, 16). Говорю вамъ объ этой силѣ Божіей во мнѣ для того, чтобы вы вмѣстѣ со мною прославили великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, Коего благодать и милость не оскудѣваютъ и нынѣ, какъ не оскудѣютъ до вѣка. Кто исчислитъ за все это время бездну спасенія Божія, совершавшагося во мнѣ благодатію Христовою всякій день и—многократно! Не могу исчислить

безчисленнаго множества козней міродержца и приступовъ страстей, разрушенныхъ милостію и силою Христовою во мнѣ, по моей тайной молитвѣ вѣры, ради сердечнаго покаянія и особенно—силою Божественнаго Причащенія! Какой ангельскій многообъемлющій умъ прочтетъ всѣ тайные дары Божіи,—благодатные дары милости, очищенія, освященія, просвѣщенія, мира, умиленія, свободы и пространства душевнаго, радости въ Духѣ Святомъ, дерзновенія и силы, и многоразличной помощи, коихъ я невидимо сподоблялся во всѣ дни моего священствованія! Не могу исчислить безчисленнаго множества врачеваній благодатныхъ—душевныхъ и тѣлесныхъ, совершенныхъ во мнѣ Господомъ, черезъ сердечное призываніе Имени Его. Слава Спасителю нашему Богу! Онъ видитъ, что я неложно возсылаю Ему эту славу. Только Имъ и о Имени Его я славенъ, а безъ Него—безчестенъ: только Имъ силенъ, а безъ Него—Немощенъ".

1890 года.

„Что значитъ, возлюбленные братія и сестры, это необычное въ будничный день торжественное собраніе ваше въ этомъ святомъ храмѣ, посвященномъ имени первозваннаго Апостола Христова? Что собрало васъ въ этомъ святилищѣ? Не обинуясь скажу, что васъ соединила и собрала вѣра и любовь ваша къ Богу, а послѣ Бога и ко мнѣ, какъ служителю Его. По невыразимой милости Господа Бога ко мнѣ грѣшному и безмѣрному Его долготерпѣнію, мнѣ суждено дожить до дня, въ который исполнилось тридцать пять лѣтъ служенія моего въ санѣ священника при этомъ храмѣ.

Вы по снисходительной любви своей ко мнѣ сочли не безплоднымъ для церкви Божіей и для васъ этотъ не малый кругъ времени и пришли вмѣстѣ со мною возблагодарить Творца временъ за неисчетныя милости Его ко мнѣ и къ вамъ, явленныя втеченіе столькихъ лѣтъ чрезъ мое посильное служеніе Господу и вамъ и просить продолженія ихъ въ будущемъ.

„Итакъ, сегодня у насъ скромное торжество вѣры Церкви, торжество священства, пастырства и паствы, торжество братскаго единодушія и христіанской любви. Значитъ, и на нашемъ дворѣ праздникъ, по присловію русскому. Слышимъ или читаемъ часто о праздникахъ разныхъ учрежденій и праздникахъ людей науки, искусства, разныхъ общественныхъ служеній, а нынѣ праздникъ церковный. Благодарю всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ моимъ Господа за Его милости ко мнѣ, а вамъ всѣмъ мой сердечный поклонъ за братскую во Христѣ любовь. Вы въ лицѣ моемъ воздаете честь священному сану, коимъ почтила благодать Христова подобныхъ вамъ, немощныхъ по природѣ людей, въ томъ числѣ и меня. Честь, воздаваемая вами мнѣ нынѣ, восходитъ къ Самому вѣчному Первосвященнику, Господу нашему Іисусу Христу, за насъ святившему Себя и принесшаго Самого Себя въ жертву за насъ Отцу Своему небесному, ибо священство мое и всѣхъ освященныхъ есть Христово священство: истинный, вѣчный священникъ одинъ—Христосъ, и въ лицѣ нашемъ священствуетъ Онъ Самъ вѣчный Первосвященникъ по чину Мелхиседекову. Христе Боже, Ты Самъ прослави прославляющихъ насъ, Твоихъ священниковъ, на землѣ; а намъ, священникамъ, даруй

благодать достойно проходить высочайшее служеніе священства и самимъ всегда освящаться и другихъ освящать и спасать данной намъ благодатью.

„Вы собрались, возлюбленные братія, почтить меня недостойнаго дарами и похвалами. Благодарю сердечно за эти священные дары, разумѣю иконы и хоругвь святую, а похвалу вашу какъ я приму? Я, по слову и наставленію Христову, есмь рабъ непотребный, сдѣлавшій только то, что должно было сдѣлать, при пособіи благодати, данной мнѣ Господомъ. Да и сдѣлалъли я все что долженъ былъ сдѣлать? По совѣсти скажу, нѣтъ: много недоставало въ моемъ служеніи по внутреннему человѣку и, вообще, служеніе мое было не безъ недостатковъ. Мой долгъ сознавать это и просить снисхожденія къ моимъ недостаткамъ и милости у Господа, да и у васъ снисхожденія къ моимъ немощамъ. Но желаю всѣмъ сердцемъ святыни и совершенства, и буду всѣми силами, съ помощію Божіею, стремиться къ исправленію и совершенству, ибо намъ сказано: *будите совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѳ. 5, 48)“.

ГЛАВА V.

Примѣры исцѣленія по молитвѣ отца Іоанна.

Чудотворна та икона, которая сильна возбудить вѣру въ свою чудотворность.
(Выраженіе архіепископа Никанора).
Сила Божія въ немощи совершается.
(Изъ рѣчи о. Іоанна).

Въ одномъ изъ своихъ поученій о. Іоаннъ говоритъ:

Гдѣ нѣтъ тайнъ? человѣкъ самъ для себя — и въ своей душѣ, и въ своемъ тѣлѣ — есть тайна. Есть безчисленное множество тайнъ и въ окружающей насъ природѣ: человѣкъ такъ мало знаетъ въ сравненіи съ тѣмъ, чего еще не знаетъ,—не смотря на успѣхи современныхъ естественныхъ наукъ — что каждый изъ насъ долженъ смиренно сознаться вмѣстѣ съ однимъ изъ древнихъ мудрецовъ въ томъ, что мы знаемъ лишь только то, что ничего не знаемъ.

Этимъ замѣчаніемъ о. Іоанна сказано многое. Замѣчаніе это не ново; но ново то, что его дѣлаетъ человѣкъ, обладающій самъ тайной не только сердцевѣденія, но и тайной того высшаго дара, который называется даромъ творить чудеса.

Тысячи людей увѣрены, что о. Іоаннъ и творитъ эти чудеса — чудеса исцѣленія силою своей молитвы; тысячи же другихъ людей, напротивъ, отвергаютъ это, доказывая, что чудеса о. Іоанна не болѣе, какъ физіологическое явленіе—родъ внушенія, или гипнотизма, къ чему нерѣдко прибѣгаютъ врачи и гипнотизеры.

Какъ бы тамъ ни было, но факты исцѣленія о. Іоан-

номъ многихъ больныхъ и страждущихъ на лицо, и отрицать эти факты невозможно, потому что свидѣтели ихъ живы, громко говорятъ о томъ, что съ ними случилось и могутъ невѣрующихъ убѣдить собственными персонами. Подлоговъ тутъ существовать не можетъ: десятки людей не одинъ человѣкъ, котораго можно склонить къ обману.

Скорѣе всего „исцѣленія“ о. Іоанна должно отнести къ числу явленій доселѣ еще неизслѣдованныхъ, доселѣ еще составляющихъ тайну, которыя, однако же, легко и просто объяснить религіею и вѣрою христіанской православной церкви. Кто же не знаетъ, что вѣра творитъ чудеса.

Девяностолѣтній старецъ Никоноръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій, въ отзывѣ объ о. Іоаннѣ выразился:

„Чудотворна та икона, которая сильна возбудить вѣру въ свою чудотворность“.

И продолжаетъ:

„Силу этого глубокомысленнаго изреченія можно примѣнить и къ о. Іоанну кронштадтскому. Да, чудотворецъ онъ уже потому самому, что возбудилъ крѣпкую вѣру въ чудотворную силу Божію, содѣвающуюся въ человѣческой немощи въ наши невѣрные дни“.

Такой отзывъ одного изъ глубоко-мудрыхъ первосвятителей Россійской церкви не требуетъ поясненій: онъ говоритъ самъ за себя.

Но и молится же Господу объ этой силѣ о. Іоаннъ съ поразительнымъ жаромъ.

„Господи Іисусе Христе Боже нашъ, — иже нашего ради спасенія изволивый плоть носити, да прославиши

чудно словесное естество, неизреченнымъ Твоимъ благоутробіемъ и благостью и иже во истинномъ познаніи обращающіеся изъ глубины грѣховныя, простити обѣщаяй.

Благій Человѣколюбче, иже тварь единымъ словомъ содѣлавый и изъ нея человѣка создавый, послѣди-же сего неизреченнымъ Твоимъ человѣколюбіемъ падшаго сего и раба грѣху бывша воспріемый и освѣтивый, яко да не погибнетъ до конца дѣло руку твоею, давый-же сему и своя спасительныя заповѣди въ память Твоего пришествія и Твоихъ повелѣній, и Божественнаго вочеловѣченія".

И потомъ:

„О! кто мнѣ дастъ ревность Божію и силу слова возбудить въ христіанахъ нынѣшняго времени живую вѣру и должное благоговѣніе ко кресту и Распятому на немъ! Знаю, что многіе невнимательны ко кресту и къ крестному знаменію. Иногда невниманіе и неуваженіе ко кресту простирается до того, что не принимаютъ идущаго въ домъ со крестомъ и во имя креста служителя Христова; другіе не хотятъ, какъ должно, изображать на своемъ грѣшномъ тѣлѣ знаменіе креста или пренебрегаютъ священническимъ благословеніемъ; иногда это дѣлаютъ по невниманію, а иногда, о ужасъ— отъ ложнаго, проклятаго стыда. Креста-ли стыдиться, возлюбленный, который есть похвала и слава наша?"

Призываетъ о. Іоаннъ и другихъ къ подобной же молитвѣ, къ покаянію:

„Пріидите же, подобные мнѣ, грѣшники ко Христу Спасителю съ вѣрою и покаяніемъ не лицемѣрнымъ, и Онъ дастъ вамъ миръ.—Я самъ подвергался и подвергаюсь многократному, разрушительному и смерто-

носному мятежу страстей: и всякій разъ, чрезъ сердечное покаяніе, получалъ отъ Господа избавленіе. Кайтесь же, кайтесь, грѣшники и грѣшницы! Позаботимся же о стяжаніи святости, какъ говорилъ Самъ Господь: „Святи будете, якоже Азъ святъ есмь Господь Богъ вашъ...“ Кайтесь, кайтесь!..“

Сильна и чудесна молитва о, Іоанна. Его молитва положительно творитъ чудеса.

Первый случай, заставившій о себѣ говорить, относится къ 1879 или 1880 году.

Одно очень важное въ Петербургѣ лицо пригласило о. Іоанна помолиться объ его исцѣленіи. Лицо это лежало года два на болѣзненномъ одрѣ.

Вотъ о. Іоаннъ прибылъ.

Съ перваго взгляда ничего особеннаго нельзя было найти въ лицѣ священника. Это самое обыкновенное, типичное русское лицо со слѣдами еще несошедшаго лѣтняго загара, съ чертами неправильными. Но вотъ онъ поднялъ глаза — и впечатлѣніе сразу измѣнилось. Въ этихъ голубыхъ глазахъ столько свѣта и блеска, что, казалось, они все вокругъ себя озаряютъ. При видѣ этого нервно-подвижнаго лица, озаряемаго ясными голубыми глазами, полными необыкновеннаго свѣта и глубокаго выраженія, совсѣмъ забывался, какъ-то исчезалъ весь человѣкъ.

Въ нихъ сила, какая-то власть; отъ ихъ взгляда дѣлалось какъ-то жутко; глаза священника, если долго смотрѣть на нихъ, умиротворяли, утѣшали.

Когда священникъ вошелъ въ комнату, все лицо его дышало весельемъ и радостью; веселье и радость сказывались во всѣхъ его живыхъ, нѣсколько порывистыхъ

движеніяхъ. Онъ прежде всего взглянулъ на образъ, висѣвшій въ углу, широко перекрестился, перевелъ взглядъ свой на Захарьева-Овинова, поспѣшно подошелъ къ нему и упалъ на колѣни. Онъ сталъ молиться. Священникъ точно забылъ, гдѣ онъ и кто съ нимъ. Онъ зналъ только то, чего просилъ у Бога—и просилъ всѣмъ существомъ своимъ, всею своею вѣрою, волею, душою.

Онъ молилъ подать ему, по божественному обѣщанію, силу, исцѣляющую немощи и бѣсовъ изгоняющую... „Чрезъ слабость мою прояви Твою силу!..“ шептали его губы.

Но онъ еще не чувствовалъ въ себѣ наитія силы. Его мольба, его вѣра все еще оставались безплодными; онъ былъ по прежнему слабымъ человѣкомъ... Въ немъ звучалъ ясный голосъ: „просите — и дастся вамъ... толцыте—и отверзется!“

И онъ просилъ съ могучею силой любви къ ближнему; онъ стучалъ все громче и громче въ завѣтную, обѣтованную дверь. Онъ весь преобразился, черты его освѣтились, глаза таинственно блистали, трепетъ пробѣгалъ по его тѣлу, капли холоднаго пота струились по лбу его...

Наконецъ мольба его была услышана: онъ почувствовалъ какъ влилась въ него свѣтлая, дивная, могучая сила. Ему уже давно было знакомо это ощущеніе.

Онъ поднялся съ колѣнъ и направился къ кровати. Теперь въ немъ уже не было волненій, ни странныхъ движеній, ни трепета. Онъ спокойно подошелъ къ неподвижно лежавшему больному и положилъ ему свою руку на голову.

— Встань и помолимся вмѣстѣ! тихо сказалъ онъ.

Въ этихъ словахъ не чувствовалось требованія, но они были такъ сказаны, что, очевидно, ихъ нельзя было ослушаться.

— Я не могу шевельнуться! явственно произнесъ больной.

Тогда отецъ Іоаннъ еще разъ возложилъ на него руку и еще разъ повторилъ: „Встань и помолимся вмѣстѣ!“

И больной всталъ съ кровати и опустился на колѣни рядомъ со священникомъ, начавшимъ громко читать молитву.

Когда молитва была окончена, отецъ Іоаннъ благословилъ больного, глядѣвшаго на него съ умиленіемъ, а затѣмъ помогъ ему лечь въ кровать.

— Для Бога все возможно! спокойно и съ глубокимъ убѣжденіемъ сказалъ онъ,—только вѣруйте, только молитесь... просите—и дастся вамъ... толцыте—и отверзется... И жизнь, и смерть—все въ десницѣ Господней; но Господь не можетъ желать смерти грѣшника, смерти непросвѣщеннаго... Онъ избавитъ васъ отъ лютыхъ мученій, онъ продлитъ дни ваши, исполнитъ мольбу вашего духа, насытитъ васъ—ибо вы алчете, напоитъ васъ—ибо жаждете, и затѣмъ пошлетъ вамъ безболѣзненную и мирную кончину... Только молитесь... только уповайте!..

На другой день больной выздоровѣлъ.

Случай этотъ быстро сдѣлался общимъ достояніемъ. Къ отцу Іоанну начали стекаться со всѣхъ сторонъ недугующіе, страждующіе, труждающіеся и обремененные. Всѣмъ была нужда до „батюшки“. Добившись

свиданія съ нимъ и получивъ его благословеніе, каждый открывалъ ему свою душу, просилъ его молитвы и помощи. Онъ никому не отказывалъ, принималъ всѣхъ, со всѣми молился, всѣхъ утѣшалъ, обнадеживалъ. И каждый выходилъ отъ него съ облегченнымъ сердцемъ, съ облегченными тѣлесными страданіями, съ надеждой и вѣрой.

Отца Іоанна стали звать къ такимъ больнымъ, которые сами не могли къ нему придти. Онъ спѣшилъ по первому зову.

Прошла недѣля—и оказалось, что у него не было ни днемъ, ни ночью возможности отдохнуть, не было возможности остаться на единѣ съ самимъ собою. Выходя изъ спальни, онъ зналъ, что внизу у него уже давно ждетъ его множество народа. А отпустивъ этотъ народъ, давъ каждому то, чего тотъ просилъ, онъ спѣшилъ изъ дома, сопровождаемый толпою.

„Совсѣмъ замучаютъ батюшку, самъ онъ заболѣетъ!.. который день и ночь на ногахъ, невѣдомо когда спитъ, когда кушаетъ“... говорили въ толпѣ.

Но эти опасенія невольно забывались при взглядѣ на священника. Несмотря на безсонныя ночи, на образъ жизни, который всякаго довелъ бы до болѣзни и полнаго ослабленія, отецъ Іоаннъ былъ неизмѣнно бодръ и свѣжъ и производилъ впечатлѣніе человѣка, только что отдохнувшаго, освѣженнаго сномъ, подкрѣпленнаго пищей.

Таковымъ онъ остается и доселѣ.

Отношенія о. Іоанна къ своимъ больнымъ чадамъ необыкновенно просты, задушевны, искренни и очень теплыя. Ни состояніе, ни положеніе обращающихся къ

„батюшкѣ“ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія; богатому и бѣдному, нарядному и оборванному, дающему и просящему, генералу и мѣщанину—одинъ почетъ и мѣсто, одинаковое вниманіе, такая же привѣтливая улыбка и готовность сдѣлать все, что возможно. Нищій въ лохмотьяхъ или разряженный франтикъ подойдетъ къ батюшкѣ, онъ посмотритъ въ глаза, наклонитъ къ говорящему ухо и твердо дастъ отвѣтъ. Отказъ или привѣтъ, сухой, суровый выговоръ, обѣщаніе, увѣщаніе или прямое разрѣшеніе и благословеніе даются соображеніемъ, ничего общаго не имѣющимъ съ состояніемъ, костюмомъ и внѣшностью просителя. Напротивъ, какъ замѣчаютъ многіе, о. Іоаннъ охотнѣе и ласковѣе бесѣдуетъ съ бѣдными, чѣмъ съ богатыми.

Вскорѣ послѣ перваго случая помощи больному о. Іоанномъ, сталъ извѣстенъ другой случай.

Молодая супруга г. В—га, болѣя брюшнымъ тифомъ, лежала въ постели въ безсознательномъ состояніи. Врачи признали ея положеніе безнадежнымъ, съ минуты на минуту ожидая смертельнаго исхода. Мужъ бодрствовалъ рядомъ, въ комнатѣ. Вдругъ онъ слышитъ, что его зоветъ жена. Онъ идетъ на ея зовъ. Почти твердымъ голосомъ она говоритъ ему:

— Въ домѣ случилось что-то необыкновенное... поди, узнай...

Мужъ выходитъ на лѣстницу и видитъ ее съ верху до низу наполненною народомъ. Оказывается, что отецъ Іоаннъ въ это время былъ въ одной изъ квартиръ того дома у больнаго. Узнавъ это, г. В. опрометью бросается въ ту квартиру, гдѣ былъ отецъ Іоаннъ, вбѣгаетъ по черной лѣстницѣ и, дождавшись его,

проситъ пойти къ его больной женѣ. Отецъ Іоаннъ съ обычною привѣтливостью соглашается и идетъ въ квартиру г. В. Войдя туда, онъ прямо направляется въ комнату больной, точно онъ раньше нѣсколько разъ бывалъ въ этой квартирѣ. Больная встрѣчаетъ его безъ удивленія, будто такъ и должно было случиться, но съ какимъ-то необычайнымъ благоговѣніемъ; какъ она сама впослѣдствіи говорила: вдругъ въ ней что-то загорѣлось. Отецъ Іоаннъ подошелъ къ ней и, послѣ нѣсколькихъ словъ утѣшенія и ободренія, говоритъ:

— Ну что же? помолимся привстаньте...

Не встававшая съ подушки нѣсколько недѣль больная приподнилась на постели. Отецъ Іоаннъ, положивъ ей руку на голову, началъ молиться. Въ порывѣ вѣры и благоговѣйнаго умиленія больная встала на колѣни въ постели; руки ея, до тѣхъ поръ лишенныя движенія, свободно сложились на груди... Лицо ея горѣло... слезы лились градомъ. Отецъ Іоаннъ, благословивъ ее далъ, нѣсколько наставленій въ томъ, какъ истинный христіанинъ долженъ вѣровать и надѣяться на Бога. Больная послѣ молитвы почувствовала себя бодрою и, какъ хозяйка, обратилась къ отцу Іоанну съ вопросомъ, не хочетъ-ли онъ подкрѣпиться. И вотъ, добрый пастырь говоритъ:

— Если рюмочку вина дадите—поблагодарю васъ, очень ужъ я ослабъ и утомился... но только, по русскому обычаю, хозяйка сама должна подать гостю вино.

Услышавъ это, больная приподнялась съ постели, опустила ноги на полъ, близкіе накинули на нее платье, и она твердыми шагами направилась въ столовую къ буфету, достала вино и подала благодатному гостю.

Отпивъ нѣсколько глотковъ и благословивъ больную и семью, отецъ Іоаннъ направился къ выходу. Какъ разсказывала сама больная, въ ней въ тотъ моментъ закипѣли два чувства: благодарность къ Богу и желаніе жить. Будетъ-ли она жить? хотѣлось ей спросить у о. Іоанна, но она не смѣла. Какъ-бы читая въ душѣ ея этотъ вопросъ, отецъ Іоаннъ почти въ дверяхъ оборачивается и говоритъ ей:

— Богъ поможетъ—поправитесь. Вѣрьте, все въ Его силѣ.

Черезъ нѣсколько дней она совершенно выздоровѣла. Врачи, разумѣется, назвали это кризисомъ и т. д., признавъ совершившійся фактъ дѣломъ случая. Нельзя не прибавить, что супругъ больной—лютеранинъ, а сама она—православная.

Въ настоящее время лицъ, которыя по молитвѣ о. Іоанна получили—или облегченіе своимъ недугамъ, или полное исцѣленіе,—надо считать десятками.

Случаи эти стали достояніемъ всего общества, и потому привести ихъ здѣсь есть полное основаніе.

Мы ихъ и приводимъ.

Одна изъ ужаснѣйшихъ болѣзней на Руси, это—пьянство.

Что такое пьянство? Врачи и физіологи не даютъ намъ на это прямаго отвѣта; одни называютъ страсть къ вину человѣческою слабостью, которой люди безхарактерные не могутъ противостоять, другіе считаютъ эту страсть болѣзнью или такою органическою потребностью, которая, благодаря привычкѣ, сдѣлалась второю натурою и перешла въ болѣзнь, кончающуюся часто бѣлою горячкою.

Какъ бы то ни было, но неумѣренное потребленіе вина причиняетъ человѣчеству много слезъ, горя и несчастій; эта „Власть тьмы“ многихъ раззорила, осиротила, обездолила и лишила не только всякаго благополучія, но добраго имени, чести и образа человѣческаго, сколько сдѣлала нищихъ, хронически больныхъ, а еще болѣе бродягъ и преступниковъ. Насколько *умѣренное* потребленіе вина безвредно, даже радостно и полезно, настолько же *неумѣренное* вредно и пагубно. Найти границу или, какъ выражаются пьяницы, „мертвую точку“ („лишняя рюмка, послѣ которой человѣкъ теряетъ самообладаніе) есть *секретъ*, обладаніе которымъ могло бы доставить милліоны человѣчеству, не говоря уже о нравственномъ значеніи. Находятся тысячи шарлатановъ, которые лечатъ отъ запоя, наживаютъ деньги, но помощи, разумѣется, не приносятъ.

Благодаря высокому вліянію отца Іоанна, многіе пьяницы перестали на всегда пить.

Замѣчательно, что о. Іоаннъ не запрещаетъ пьяницамъ, обращающимся къ нему, продолжать пить. На пьянство онъ смотритъ только, какъ на человѣческую слабость. Изъ всѣхъ родовъ бѣдняковъ горькіе пьяницы вызываютъ у него больше всѣхъ сочувствія, но онъ понять не можетъ для чего люди напиваются до пьяна и какъ это они не въ состояніи удержаться. Относительно этого онъ придумалъ такой афоризмъ: „Человѣческое сердце боится пустоты; если мы выселимъ изъ себя добраго духа, его мѣсто займетъ злой духъ, но пустымъ сердце оставаться не можетъ“.

Изъ множества примѣровъ нравственной помощи отца

Іоанна пьяницамъ, приведемъ одинъ весьма интересный во всѣхъ отношеніяхъ.

Жилъ въ Петербургѣ довольно крупный серебрянникъ Петръ Ермолаевичъ N. Онъ былъ человѣкъ семейный и на 32 году жизни, когда у него на рукахъ была жена, старуха-мать и четверо дѣтей, началъ пить запоемъ. Дѣла его шли хорошо: онъ имѣлъ капиталъ, много выгодныхъ заказчиковъ, и въ его мастерской работало до 25 подмастерьевъ, такъ что производство его можно было назвать фабричнымъ. Но вотъ какъ то незамѣтно для самого себя П. Е. привыкъ засиживаться по вечерамъ въ трактирахъ за чаемъ. Въ компаніи отъ чая недалеко до водки и N. сталъ попивать, дальше да больше, онъ уже сталъ не такъ добросовѣстно относиться къ заказамъ; кромѣ того мастерская требуетъ надзора хозяина, а такъ какъ хозяинъ сидѣлъ больше въ трактирѣ, то дѣла пошли все хуже и хуже.

N. уже втянулся въ водку, пропивалъ безъ разбора свое и чужое, и наконецъ съ трактира спустился до кабака, потому что въ немъ водка дешевле, чѣмъ въ трактирѣ.

Лѣтъ черезъ 5 такой жизни его встрѣчали съ подбитыми глазами, опухшимъ лицомъ, трясущимися ногами и руками... Даже изъ прежнихъ собутыльниковъ никто его не узнавалъ.

Въ хорошія времена своей жизни П. Е. слыхалъ объ о. Іоаннѣ.

Онъ вспомнилъ о немъ.

— И у меня точно упало что-то внутри, — разсказывалъ потомъ N. — такъ стало весело, радостно на душѣ; за все время пьянства у меня не было такого

состоянія духа. Я упалъ на колѣни и хотѣлъ молиться, но молитвы не шли на память...

Петръ Ерм. рѣшилъ сейчасъ же пробраться въ Кронштадтъ.

Долго пришлось бродить N. безъ копѣйки въ карманѣ, пока онъ не увидѣлъ въ Ораніенбаумѣ о. Іоанна, и пробрался на пароходъ, такъ какъ на вопросъ: „вы съ батюшкой?“ онъ отвѣтилъ: „съ батюшкой“,—и его безпрепятственно пустили. На пароходѣ отецъ Іоаннъ попросилъ его къ себѣ въ каюту. П. Е. разсказалъ ему всю свою жизнь и просилъ излѣчить его отъ пьянства.

Разговоръ длился очень долго. N. вышелъ отъ отца Іоанна совершенно облегченный и, такъ-сказать, обновленный. Отецъ Іоаннъ велѣлъ ему придти на другой день въ соборъ за раннюю обѣдню и при прощаньи далъ ему около 100 р. денегъ.

На другой день П. Е. дѣйствительно былъ у обѣдни, и исповѣдывался у о. Іоанна.

Исповѣдь сопровождалась продолжительнымъ наставленіемъ пастыря, послѣ чего онъ сталъ на колѣни рядомъ съ N. и прочиталъ молитву отъ страсти къ вину. Благословивъ затѣмъ исповѣдника, батюшка сказалъ:

— Иди съ миромъ и старайся не грѣшить. Не допускай прежде всего мыслей грѣховныхъ, послѣ мыслей придутъ дѣла худыя, тогда труднѣе бороться; если почувствуешь тяжесть борьбы, что тебѣ не справиться самому со зломъ, бѣги къ духовному отцу своему и проси пріобщиться св. Таинъ. Это великое и всесильное оружіе въ борьбѣ съ пьянствомъ. Не стыдись передъ священникомъ назвать свой грѣхъ настоящимъ

именемъ и не скрывай ничего въ душѣ своей, иначе нельзя получить прощенія и силы къ борьбѣ. Православная церковь никому изъ сыновъ своихъ не отказываетъ въ св. Таинствахъ, а литуріи совершаются у насъ ежедневно. Ступай...

Причастившись, П. Ерм. перемѣнилъ свой костюмъ на приличный и, начавъ дѣло на деньги, данныя ему о. Іоанномъ, опять сталъ хозяиномъ. Теперь онъ живетъ богато, но не жалѣетъ своего богатства, дѣлясь имъ съ бѣдняками. Онъ говоритъ: „все я получилъ отъ церкви, церкви же и отдаю".

По поводу пьяницъ о. Іоаннъ говоритъ: „Никто еще не родился пьяницей, а сдѣлался имъ въ жизни. Конечно, пьянство и запой переходятъ въ болѣзнь; очень вѣроятно что и наслѣдственное предрасположеніе играетъ здѣсь роль, но корень и причина зла кроется въ насъ самихъ. Если сила вѣры властна настолько, чтобы поднять насъ со смертнаго одра, то она имѣетъ достаточно мощи заставить насъ пить умѣренно, т. е. остановиться на той рюмкѣ, послѣ которой мы перестаемъ носить образъ и подобіе Божіе, приближаемся къ животному..."

Затѣмъ, онъ продолжаетъ:

— Не бояться, а презирать мы должны врага. Плохой воинъ, который боится встрѣчи съ непріятелемъ; если ты будешь бѣгать отъ водки, какъ отъ властнаго твоего соблазнителя, ты рано или поздно попадешь къ нему въ лапы...

Но, несмотря на „позволеніе", большинство бывшихъ пьяницъ, излѣченныхъ о. Іоанномъ, получаютъ инстинктивное отвращеніе къ вину и если пьютъ иногда „рю-

мочку“, то самаго невиннаго напитка, въ родѣ наливки или кюммеля.

Для излеченія отъ пьянства у отца Іоанна есть особенная молитва. Молитва читается въ церкви, съ колѣнопреклоненіемъ, но, конечно, внѣ богослуженія, а чаще на исповѣди. Иногда о. Іоаннъ сопровождаетъ молитву эпитиміею, требованіемъ поста, воздержанія и т. п. Случалось, что послѣ бесѣды съ пьяницей пастырь отказывалъ въ помощи:

— Иди и прежде измѣни образъ жизни; научись работать, жить честно, а послѣ проси у Бога милости...

Первое время послѣ исповѣди, св. причащенія и молитвы объ избавленіи отъ пьянства о. Іоаннъ предлагаетъ излечившемуся чаще пріобщаться св. Таинъ, вести вообще благочестивый образъ жизни, воздерживаться отъ всякихъ излишествъ и не вспоминать минувшаго. Наибольшая опасность вернуться къ пьянству первые мѣсяцы, а самый сильный соблазнъ— компанія пріятелей. Само собою разумѣется, необходимо избѣгать послѣднихъ и не искушать себя безъ нужды.

Таковъ „рецептъ“ исцѣленія пьяницъ нашего почтеннаго пастыря.

Постоянное обращеніе съ людьми, внимательное отношеніе къ человѣческой совѣсти, проникновеніе на исповѣди въ глубочайшіе тайники людскаго сердца доставили о. Іоанну громадную духовную опытность, близко граничащую съ прозорливостью. Это рѣдкое свойство церковнаго пастыря привлекаетъ къ о. Іоанну Сергіеву множество людей, измученныхъ душой, жаж-

дущихъ просвѣщенно-христіанскаго слова утѣшенія и вразумленія. Отмѣнныя нравственныя качества его пріобрѣли евангельскую вѣру, по силѣ которой онъ съ Божіей помощію совершаетъ многое выходящее изъ ряда обыкновеннаго.

Въ журналѣ „Воскресный день“ за 1888 годъ находимъ напечатанными слѣдующихъ два случая, въ которыхъ проявилась духовная сила отца Іоанна.

У матери одного, довольно извѣстнаго въ Кронштадтѣ, семейства открылась въ ногахъ водяная болѣзнь. При всей помощи врачебной науки, какою больная имѣла средства пользоваться, болѣзнь непрерывно продолжалась цѣлыхъ четыре года. Созванный на пятый годъ болѣзни совѣтъ врачей нашелъ, что въ лучшемъ случаѣ жизнь больной можно продлить лишь на одну недѣлю. Жажда жизни у больной была такъ велика, что она согласилась перенести операцію, чтобы затянуть свою жизнь на пять, на шесть дней. Однако ранѣе этого больная пожелала помолиться Богу вмѣстѣ съ о. Іоанномъ. Приглашенный въ домъ страдавшей о. Іоаннъ отслужилъ здѣсь молебенъ, послѣ котораго, по особой просьбѣ больной, сталъ молиться о выздоровленіи ея. По окончаніи молитвы, смиренный пастырь посовѣтовалъ привести больную на слѣдующій день къ литургіи въ соборный храмъ. Въ наступившую за этимъ же днемъ ночь неизлѣчимая больная почувствовала въ себѣ облегченіе; вся опухоль въ ея ногахъ опала. Черезъ три дня она стояла уже въ мѣстномъ соборѣ и усердно благодарила Господа.

Не менѣе поразительнымъ представляется и другой случай. Трое молодыхъ людей изъ учащихся, не понимая, чѣмъ объяснить такую популярность о. Іоанна, что за нимъ постоянно ходитъ густая толпа народа, захотѣли поглумиться надъ силою молитвъ о. Іоанна. Случай имъ скоро представился. Однажды о. Іоаннъ былъ въ томъ же домѣ, гдѣ жили и они; самый бойкій изъ нихъ, нѣкто К., отправился туда, гдѣ о. Іоаннъ служилъ молебенъ и сталъ убѣдительно просить его зайти къ его умирающему товарищу. Дѣло въ томъ, что они сговорились, чтобы кто нибудь изъ нихъ притворился больнымъ и легъ въ постель на время, когда пастырь будетъ у нихъ. Въ скоромъ времени о. Іоаннъ дѣйствительно явился, спросилъ, гдѣ больной, и хотѣлъ отслужить молебенъ, но иконы не нашелъ; тогда онъ опустился на колѣни среди комнаты и началъ молиться:

— Господи, пошли имъ по вѣрѣ ихъ!..

Съ лицемѣрною благодарностью молодые люди проводили его и со смѣхомъ вернулись въ комнату; къ ужасу своему увидѣли, что товарищъ ихъ разбитъ параличемъ и только судорожное движеніе вѣкъ показывало въ немъ жизнь.

Приглашенный врачъ сказалъ, что параличъ, если и излѣчивается, то только годами. Не находя другаго исхода, кощунники съ первымъ же поѣздомъ поѣхали въ Кронштадтъ. Отецъ Іоаннъ не могъ принять ихъ до вечера, и когда ему доложили объ этихъ молодыхъ людяхъ, онъ велѣлъ имъ сказать, что онъ ничего для нихъ сдѣлать не въ состояніи. Наконецъ, видя дѣйствительное раскаяніе ихъ, онъ сжалился надъ ними,

повелъ ихъ въ церковь и тамъ въ теченіе двухъ часовъ наставлялъ ихъ. Наконецъ сказалъ:

— Поѣзжайте съ Богомъ и Его славословьте. Прибывъ домой, молодые люди увидѣли своего товарища вставшимъ съ постели, и затѣмъ онъ совершенно выздоровѣлъ.

Въ 1887 году, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, отецъ Іоаннъ былъ приглашенъ каретнымъ извозопромышленикомъ С—вымъ, больной женѣ котораго предстояла сложная и крайне опасная операція. Исповѣдавъ и пріобщивъ больную Св. Тайнъ, уврiжаемый пастырь посовѣтовалъ ей не уклоняться отъ операціи, которая и была вскорѣ послѣ того совершена докторомъ Байковымъ. Результаты операціи, по словамъ свѣдущихъ и близкихъ къ больной лицъ, оказались самые благопріятные, такъ что въ непродолжительномъ времени больная выздоровѣла.

Подобный же случай произошелъ съ сестрою извѣстнаго поэта, нынѣ умершаго, В. Г. Бен—овой, проживающей на Петербургской сторонѣ, по Большой Пушкарской улицѣ, близъ церкви Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы. В. Г. въ началѣ Великаго поста 1888 года, занемогла острымъ ревматизмомъ, который потомъ осложнился воспаленіемъ легкихъ. Нужно замѣтить, что В. Г. уже довольно преклонныхъ лѣтъ, т. е. въ томъ возрастѣ, когда воспаленіе легкихъ крайне опасно и въ большинствѣ случаевъ смертельно. Врачи признали ея положеніе безнадежнымъ. Больная не могла двинуть ни однимъ членомъ. Тогда она рѣшилась пригласить отца Іоанна. Послѣдній, пріѣхавъ, съ пер-

выхъ словъ предложилъ ей пріобщиться Св. Тайнъ, на что В. Г. сейчасъ-же охотно согласилась, хотя родные ея отчасти противились этому.

— Соединитесь съ Господомъ, сказалъ почтенный пастырь, — и Господь возставитъ васъ.

— Гдѣ ужъ мнѣ поправиться, батюшка, я стара... дай Богъ хоть умереть спокойно, былъ отвѣтъ больной.

— Сестра о Христѣ! — возразилъ отецъ Іоаннъ— не наше дѣло знать времена или сроки, которые *Отецъ положилъ въ Своей власти*, отвѣчу я тебѣ словами Апостола. Соединись со Христомъ, ибо во власти Его все возможно.

Съ этими словами отецъ Іоаннъ снялъ дароносицу и, поставивъ ее на столъ, приготовленный для молитвы, сказалъ, указывая на нее:

— Вотъ, въ этой дароносицѣ — Пречистое Тѣло и Кровь Христовы, а подъ видомъ Ихъ, Онъ Самъ, Всеблагій, вошелъ въ твой домъ. Вѣруй, чрезъ сердечное покаяніе соединись съ Нимъ, вѣра твоя спасетъ тебя. Не смотри на года. Онъ и дочь Іаира умершую воскресилъ, какъ-же тебя, болящую, возставить не можетъ?

Проговоривъ это, отецъ Іоаннъ сталъ передъ образомъ на колѣни и началъ горячо молиться, послѣ чего исповѣдалъ и пріобщилъ больную.

Потомъ онъ упрекнулъ окружающихъ, зачѣмъ ее раньше не пріобщили, и когда послѣдніе сказали, „она, батюшка, говѣла“, отецъ Іоаннъ возразилъ:

— Первые христіане пріобщались Св. Тайнъ каждый день, а вы и больнаго пріобщить не хотите. Бѣ-

жать Христа не хорошо. Благословивъ всѣхъ, почтенный пастырь удалился.

На другой день больная почувствовала себя лучше, а черезъ нѣсколько дней, къ удивленію врачей, совершенно поправилась и черезъ полторы недѣли могла ѣхать за городъ для окончательнаго возстановленія силъ.

Въ 1890 г, нѣкоторые изъ артистовъ СПБ. Императорскаго театра, во главѣ съ артисткой М. Г. С—ной, отправились въ Кронштадтъ, чтобы дать тамъ благотворительный спектакль. По дорогѣ ихъ застала сильная буря и они едва-едва добрались до Кронштадта съ опасностью для своей жизни. Изъ Кронштадта-же они не знали, какъ и вернуться въ Петербургъ, такъ какъ ледъ на морѣ сильно поломало бурей.

Въ благодарность за спасеніе своей жизни артисты и обратились къ о. Іоанну, чтобы онъ отслужилъ молебенъ, что и было исполнено.

Въ числѣ труппы находилась артистка М., страдавшая сильною болью въ сочлененіи колѣна, М. страдала болѣе двухъ лѣтъ. Боль въ колѣнѣ была на столько сильна, что больная не могла сгибать колѣно. За совѣтомъ она обращалась ко многимъ докторамъ, но ихъ совѣты и дорогія лѣкарства не приносили для больной ровно никакой пользы.

Во время служенія молебна, больная обратилась къ о. Іоанну, разсказала про свою болѣзнь и о безсиліи докторовъ излѣчить ее, и просила его помолиться Богу. Отецъ Іоаннъ исполнилъ просьбу артистки. И вотъ, когда во время молебна онъ положилъ руки на голову

артистки, призывая на нее милосердіе Божіе, больная почувствовала, что на нее напалъ какой-то трепетъ; боль-же въ ногѣ мгновенно прекратилась, и больная стала свободно ходить. Прошло уже два года, а боли въ ногѣ М. и слѣда нѣтъ.

Чудесно исцѣленная артистка, а равно и ея сослуживцы и сослуживицы были ужасно поражены этимъ чудомъ.

Послѣ чудеснаго исцѣленія и молебна, многоуважаемый отецъ протоіерей благословилъ всѣхъ артистовъ, сдѣлалъ краткое нравоученіе и сказалъ, что они доѣдутъ изъ Кронштадта до Петербурга благополучно по льду, на лошадяхъ.

И дѣйствительно, артисты добрались обратно въ Петербургъ по льду, цѣлыми и невредимыми.

Тутъ удивительнѣе всего то, какъ могъ о. Іоаннъ читать мысли другихъ? Въ это время артистовъ, дѣйствительно, занимала мысль — какъ имъ добраться до Петербурга, куда ихъ спѣшно призывали служебныя обязанности. А прозорливый о. протоіерей прочелъ ихъ тайныя мысли и предсказалъ исполненіе ихъ. *)

Съ другимъ артистомъ случилось хотя и не исцѣленіе, но нѣчто достойное особеннаго вниманія.

Нѣкто разсказываетъ: **)

„Захожу я какъ-то на прошлой недѣлѣ къ моему старому пріятелю артисту Б. Ну, извѣстно, артистъ: въ Бога не вѣритъ, разныя тамъ цыганскія пѣсни, нимфы на стѣнахъ и, знаете, все этакое... Только заглянулъ я какъ-то въ уголъ около окна, и глазамъ

*) Русскій Листокъ 1891 г., № 340.

**) Сборникъ „Нивы“ за 1892 г. Октябрь.

своимъ не вѣрю. Понимаете, въ уголку на гвоздочкѣ образъ виситъ, и тутъ же, неподалеку на стѣнкѣ, портретъ отца Іоанна. Что, думаю, за притча такая? Прежде такого духу здѣсь не было. Обращаюсь къ хозяину. „Такъ и такъ, говоритъ, произошла тутъ надняхъ со мной цѣлая исторія. Ужь не знаю, какъ и объяснить... Захворала, видишь, у насъ жена домовладѣльца и пожелала, чтобы отецъ Іоаннъ надъ ней молитву прочиталъ. Ну, тотъ и пріѣхалъ... Я, можетъ быть, и не узналъ бы, что онъ пріѣхалъ, да у насъ на лѣстницѣ такая суматоха поднялась, словно пожаръ. А у меня тѣмъ временемъ одинъ клубный актерикъ сидѣлъ, изъ комиковъ. Отчего, думаемъ, не полюбопытствовать... Пошли. Народу въ квартиру понабилось тьма, такъ что, ежели-бъ не мой благодатный ростъ, пожалуй ничего бы и не увидѣлъ... Примостился это я въ передней, и мнѣ, черезъ амфиладу комнатъ, какъ разъ видно, какъ онъ въ спаленкѣ молитву передъ образомъ читаетъ... то-есть собственно не читаетъ, а какъ-то истерично всхлипываетъ, воздѣвая руки кверху. Богъ знаетъ почему, показалось мнѣ тогда все это неестественнымъ. Наклонился я это къ уху комика и тихонько скажи: —Тоже, поди, комедію ломаетъ, какъ и мы грѣшные? —Только вотъ отецъ Іоаннъ молитву прочелъ, благословилъ больную, и быстро проталкивался назадъ, къ лѣстницѣ... А мы, надо сказать, своей позиціи не бросаемъ, чтобы его хорошенько поближе разсмотрѣть. Проходитъ это онъ мимо меня, и вдругъ, какъ бы нечаянно, потрепалъ меня этакъ по плечу, полуулыбнулся и шепнулъ: *А комедію все-таки дослушалъ?* Я такъ и обомлѣлъ: стою на мѣстѣ какъ столбъ и ничего не

понимаю. Бросился я, было, потомъ за нимъ внизъ по лѣстницѣ, да куда, его ужь слѣдъ простылъ„. — Ну, и что-жь ты послѣ этого? — „Да что же, говоритъ, сейчасъ пошелъ на Невскій проспектъ, въ магазинъ Попова и пріобрѣлъ себѣ сей портретъ“. — И вѣришь? спрашиваю. — „Ну, ежели и не вполнѣ вѣрю, но во всякомъ случаѣ, смѣяться больше *надъ этимъ* не стану!“

Въ той же книжкѣ Сборника „Нивы“, помѣщенъ не менѣе интересный разсказъ одного военнаго о прозорливости о. Іоанна. Проѣздомъ въ Ростовъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, разсказчикъ прогостилъ нѣсколько дней въ Харьковскомъ имѣніи князя Г. — Ну, вотъ, разсказываетъ онъ далѣе, у князя служилъ буфетчикомъ молодой парень, по имени Ѳедоръ, женатый. А жену его, какъ сейчасъ помню, звали Ксеніей. Она у княгини горничной служила. И вотъ, какъ разъ проѣзжалъ въ то время черезъ Харьковъ о. Іоаннъ, Ѳедоръ и отпросился у князя съѣздить на ближайшую станцію, чтобы хоть разъ въ жизни посмотрѣть на батюшку. А тутъ жена за нимъ увязалась: возьми, да возьми, я тоже хочу батюшкино благословеніе получить. Тотъ ей разные доводы: что, дескать, вмѣстѣ неудобно, да и княгиня разсердится, что онъ, вся равно, потомъ ей все разскажетъ и т. д. Ну, словомъ, не взялъ. Вотъ собрался онъ чуть свѣтъ на станцію, и вмѣстѣ съ тысячной толпой ждетъ не дождется поѣзда. Поѣздъ наконецъ подошелъ. Отецъ Іоаннъ вышелъ изъ вагона на дебаркадеръ и, проходя въ комнату начальника стан-

ціи, по пути наскоро благословляетъ тѣснящійся около народъ. Благословилъ онъ и Ѳедора въ числѣ другихъ, тоже мимоходомъ, наскоро. Только, какъ бы вы думали, что проговорилъ онъ, проходя мимо него?

— Ну-те? послышались нетерпѣливые голоса. (Дѣло происходило на пароходѣ).

— Благословляю тебя, рабъ *Ѳедоръ*... Отчего ты *Ксеніи* не взялъ съ собой?..

Само собою разумѣется, что разсказъ произвелъ на слушающихъ ошеломляющее впечатлѣніе.

Лѣтомъ 1890 и 1891 г. о. Іоаннъ ѣздилъ въ Харьковскую губернію. Въ 1890 г. онъ посѣтилъ и самый Харьковъ и даже, по просьбѣ высокопреосвященнаго Амвросія, архіепископа харьковскаго, въ каѳедральномъ соборѣ совершилъ божественную литургію.

Мѣстопребываніе отецъ Іоаннъ имѣлъ въ имѣніи Рыжковка, въ десяти верстахъ отъ Харькова. И во все время, пока отецъ Іоаннъ тамъ жилъ, у него перебывало народу болѣе ста тысячъ человѣкъ, желавшихъ получить благословеніе. Въ оба раза своихъ поѣздокъ въ Харьковскую губернію отецъ Іоаннъ, между прочимъ, былъ приглашаемъ въ имѣніе Николаевку, принадлежащее вдовѣ тайнаго совѣтника М. Н. Калугиной, находящееся въ двадцати верстахъ отъ города Сумы, Харьковской губерніи.

23-го Іюля, въ домѣ г-жи Калугиной, послѣ совершенія молебствія, къ отцу Іоанну обратилась съ чувствомъ глубокой благодарности, со слезами на глазахъ жена мѣстнаго благочиннаго протоіерея отца Андрея Ставр—аго, который, упавъ предъ о. Іоанномъ на колѣни, разсказала слѣдующее:

„Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я страдала страшнымъ нервнымъ разстройствомъ. Болѣзнь моя была невыносима. Въ минуты проявленія припадковъ мои мученія были на столько тяжелы, что я впадала въ безчувственное состояніе и всѣ члены мои нѣмѣли.

„Обращалась я за совѣтомъ къ врачамъ; тратила на это большія деньги. Но все было напрасно. Болѣзнь моя не поддавалась никакому лѣченію и усиливалась все болѣе и болѣе“.

„Но вотъ вы, батюшка, въ прошедшемъ году посѣтили нашъ край. Мнѣ хотѣлось лично побывать у васъ, попросить вашего благословенія и молитвы объ исцѣленіи моемъ отъ тяжелаго недуга. Болѣзнь-же моя была на столько въ то время тяжела, что я не въ состояніи была съ своей постели встать, а не только ѣхать куда-либо. Это мнѣ приносило еще большія страданія.

„Наконецъ, мой мужъ поѣхалъ къ вамъ, и я попросила его обратиться къ вамъ съ просьбой помолиться заочно о моемъ выздоровленіи.

„И вотъ, въ то самое время, когда вы, послѣ совершенія молебствія, молились о моемъ исцѣленіи, я почувствовала внезапное облегченіе въ своей болѣзни. Немедленно я телеграфировала о томъ своему мужу, прося его передать вамъ мою искреннюю благодарность за ваши чудодѣйственныя молитвы обо мнѣ.

„Вслѣдъ затѣмъ я получила отъ мужа отвѣтную телеграмму, въ которой онъ сообщаетъ мнѣ, что вы посылаете мнѣ ваше благословеніе и надежду на полное мое выздоровленіе.

„И, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ я начала быстро поправляться. И теперь, какъ видите, я совсѣмъ здорова. И въ эту вашу поѣздку къ намъ сочла долгомъ лично явиться къ вамъ съ моей безпредѣльной благодарностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, засвидѣтельствовать предъ всѣми о совершившемся на мнѣ чудѣ, которое Милосердный Господь совершилъ по молитвѣ вашей, уважаемый батюшка“.

Сообщеніе это, подтверждаемое ея мужомъ, произвело на всѣхъ присутствующихъ потрясающее впечатлѣніе.

Въ это-же время изъ толпы народа выдѣлился крестьянинъ изъ г. Сумъ и объяснилъ, что сынъ его, пятнадцатилѣтній мальчикъ, страдалъ тяжкою болѣзнью: у малютки были сведены руки и ноги, чрезъ что несчастный страдалецъ претерпѣвалъ сильныя мученія. Долго онъ возился съ своимъ сыномъ, возилъ его къ разнымъ докторамъ, обращался ко всевозможнымъ знахарямъ и знахаркамъ. Но никакія лѣкарства, ни разныя нашептыванія деревенскихъ знахарей и знахарокъ нисколько не улучшили положенія страдальца. И вотъ, въ прошлогодній пріѣздъ въ Харьковъ отца Іоанна, въ имѣніе Николаевка, пользуясь добротою владѣлицы имѣнія, г-жи Калугиной, онъ и рѣшился обратиться къ нему съ просьбою о молитвѣ за исцѣленіе его недужнаго ребенка, что добрѣйшимъ батюшкою и было исполнено. Сразу же послѣ молитвы отца Іоанна, ноги и руки у страдальца стали постепенно выправляться и, въ концѣ-концовъ, въ теченіи года, совсѣмъ выпрямились. Въ настоящій-же пріѣздъ отца Іоанна, мальчикъ его, со-

всѣмъ здоровый, пришелъ лично поблагодарить отца Іоанна и попросить у него благословенія.

И такъ, что не могли сдѣлать врачи земные, то сдѣлалъ Врачъ Небесный—Господь, чрезъ молитву отца Іоанна *).

Одна изъ жительницъ Петербурга пріѣхала въ Кронштадтъ и со слезами радости разсказывала о чудодѣйственной силѣ молитвы отца Іоанна Ильича, проявленной на ея семействѣ при посѣщеніи досточтимымъ батюшкою ея болящаго сына.

Сынъ ея захворалъ какою-то неразгаданною болѣзнью. Немедленно былъ приглашенъ домашній врачъ. Испробовали всѣ средства къ излѣченію загадочной болѣзни, но медицинская помощь оказалась безполезною. Жизнь ребенка все гасла и гасла; наконецъ доктора отказались отъ лѣченія больнаго и объявили, что положеніе его безнадежно и онъ вскорѣ отдастъ Богу душу.

Убитая горемъ несчастная мать письменно обратилась съ просьбою въ Кронштадтъ къ отцу Іоанну, чтобы онъ пріѣхалъ къ ней въ домъ въ Петербургѣ отслужить молебенъ и помолиться вмѣстѣ съ нею о выздоровленіи ея больнаго ребенка.

Просьба ея была немедленно исполнена: отецъ Іоаннъ пріѣхалъ, отслужилъ молебенъ и благословилъ больнаго малютку.

Тотчасъ по отъѣздѣ отца Іоанна больной крѣпко заснулъ, и когда проснулся, то сталъ для всѣхъ со-

---

*) „Русскій Листокъ“ 1891 г. № 340.

вершенно неузнаваемъ: — признаковъ болѣзни не было и слѣда. Малютка подозвалъ мать и радостно воскликнулъ: *„Мама, я совсѣмъ здоровъ! Позволь встать съ постели!* Нельзя представить себѣ, какова была радость матери! Ребенокъ ея, дѣйствительно, всталъ съ постели и здоровъ по настоящее время.

Мать, возблагодаривъ Господа за оказанную ей милость, немедленно отправилась въ Кронштадтъ, чтобы лично поблагодарить отца Іоанна за чудесное исцѣленіе ея любимаго малютки. Но безсребренникъ отецъ Іоаннъ отклонилъ отъ себя благодарность и скромно сказалъ: *„не намъ, не намъ, а имени Твоему“*, и что, если она хочетъ благодарить его, то пусть лучше окажетъ помощь бѣднякамъ, помня слова Спасителя: *„понеже сотворите единому отъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотворите“* (Матѳ. 25, 40), или слова Ветхаго завѣта: *„милуяй нищаго, взаимъ даетъ Богови, по даянію же его воздастся ему!“* (Притч. 19, 17). И что для него нѣтъ лучшей благодарности, какъ видѣть вѣрное исполненіе словъ Спасителя *).

Въ С.-Петербургѣ, по Херсонской улицѣ, въ домѣ № 3-й, проживаетъ семейство городоваго 1-го участка Рождественской части, Сергѣя Иванова Данилина; жена этого городоваго, Настасья Михайловна, вскорѣ послѣ замужества, 10 лѣтъ тому назадъ, заболѣла непонятными припадками сумасшествія (по простонародному выраженію—порчею).

---

*) „Русскій Листокъ“ 1891 г. № 314.

Къ какимъ средствамъ ни прибѣгалъ мужъ больной, ничто не помогало, и припадки съ каждымъ годомъ учащались. Замѣчательно то, что припадки проявлялись всегда въ то время, когда въ комнатѣ, гдѣ находилась больная, зажигали лампадку, или же когда ее приводили въ церковь. Во время этихъ припадковъ она всячески поносила Бога и восхваляла необъяснимую силу, находящуюся въ ней. Лишь только припадокъ покидалъ ее, она впадала въ грустное настроеніе, изъ котораго никогда не выходила.

Въ сентябрѣ этого года, припадки начали принимать форму постояннаго сумасшествія и, наконецъ, 14-го сентября, послѣ сильнѣйшаго припадка, у Настасьи Михайловой отнялись ноги и сталъ сильно опухать животъ. Лежа въ постели, она страшно неистовствовала, поносила Бога, рвала на себѣ волосы, царапала ногтями тѣло и т. п.

Бѣдный мужъ, видя такое отчаянное положеніе своей жены, хотя и терялъ голову, но будучи человѣкомъ, вѣрующимъ въ могущество Бога, рѣшилъ прибѣгнуть къ Его помощи.

Первымъ долгомъ онъ въ сопровожденіи двухъ своихъ земляковъ повезъ больную къ Скорбящей Божіей Матери, что за Невской заставой. Къ какимъ мѣрамъ ни прибѣгали они и служившій молебенъ священникъ, но приложить больную къ чудотворной иконѣ не удалось, такъ какъ она страшно кричала, отворачивала отъ нея лицо и плевала въ публику.

Точно также не облегчила страданій больной и привезенная съ Аѳонскаго подворья на квартиру икона „Милующей Божіей Матери“. Когда іеромонахъ по-

дворья подошелъ къ больной съ Евангеліемъ, то она вырвала его у него изъ рукъ и стала рвать и кусать его зубами.

Ничто не помогало больной, и положеніе ея съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже, такъ какъ она отказалась принимать пищу.

Въ концѣ ноября мѣсяца 1891 года, Данилинъ рѣшилъ, наконецъ, на послѣдніе свои гроши отправиться въ Кронштадтъ къ отцу Іоанну..

На другой день по пріѣздѣ въ Кронштадтъ имъ удалось увидать батюшку.

Лишь только батюшка подъѣхалъ къ дому, какъ больная начала кричать: „врете, врете, не выгонитъ онъ меня, я 10 лѣтъ живу въ этомъ домѣ“.

Когда же отецъ Іоаннъ сталъ служить молебенъ, то больная стихла и къ концу молебна заснула спокойнымъ тихимъ сномъ.

Проснувшись на другой день, она попросила святой воды, напившись которой, встала съ постели и стала всѣмъ разсказывать, что вчера съ ней во снѣ сдѣлалось что-то странное,—она видѣла, какъ ангелы гнали изъ нея нечистую силу. Пробывъ еще нѣсколько дней, Данилины, пріобщившись Св. Таинъ, вернулись въ Петербургъ.

7-го декабря, Настасья Данилина ѣздила въ Кронштадтъ и лично сама благодарила дорогаго батюшку за ея исцѣленіе. Но батюшка, по своему обыкновенію, сказалъ: „что не онъ исцѣлилъ ее, но молитва и сила вѣры въ Промыслъ Божій людей, окружающихъ ее“ *).

---

*) „Петербургскій Листокъ“ 1891 г. 10 декабря.—„Русскій Листокъ“ 1891 г. № 353.

Дѣвица N. находилась въ услуженіи въ Петербургѣ, въ богатомъ домѣ гг. Д. Ры — ва. Она много лѣтъ страдала болью спины съ часто повторяющимися колотьями и мучительною рѣзью въ желудкѣ. Положеніе несчастной было невыносимо: она не могла ходить, не могла и лежать. Своимъ мученіямъ она не видѣла конца. Обращалась эта страдалица къ знаменитымъ спеціалистамъ столицы — врачамъ: гг. Ман — ину, Гар — му и друг. Надо отдать имъ справедливость, что они много принимали мѣръ къ излѣченію болѣзни ея, но всѣ ихъ старанія приносили скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, вслѣдствіе чего она вынуждена была оставить всѣ совѣты врачей. Въ эти-то тяжелые для нея часы больная обратилась за помощью къ отцу Іоанну кронштадтскому. Она много читала объ исцѣленіяхъ по его молитвамъ и сама была вѣрующая. Обязанности службы лишали ее возможности лично съѣздить къ досточтимому о. Іоанну. Въ виду этого, она послала ему письмо, прося его помолиться объ ея исцѣленіи. И что-же? На третій день, какъ было послано письмо, больная увидѣла во снѣ о. Іоанна въ часовнѣ, находящейся въ одной изъ улицъ столицы. Подойдя къ ней, онъ благословилъ ее и прикоснулся рукою. Проснувшись на утро, больная почувствовала себя совершенно здоровой. Еще недавно она не могла ходить, а теперь стала весела, спокойна и могла ходить совершенно свободно. Въ настоящее время какъ здоровая, она ходитъ въ церковь и благодаритъ Господа за поданное ей по молитвѣ о. Іоанна исцѣленіе *).

---

*) „Петербургскій Листокъ“ 1890 г. отъ 10 сентября.

Газета „Русскій Листокъ“ въ № 347-мъ 1891 года помѣстило слѣдующее письмо.

„Позвольте чрезъ посредство вашей уважаемой газеты сдѣлать вкратцѣ сообщеніе о двухъ случаяхъ исцѣленія по молитвѣ Іоанна Ильича кронштадтскаго, свидѣтелемъ которымъ былъ лично я, нижеподписавшійся.

1. Мой дядя (Иванъ Петровичъ Голубовъ), гуртовщикъ по профессіи, имѣющій постоянное жительство въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, былъ въ прошломъ году разбитъ параличемъ: у него отнялись правая рука и нога. Онъ принужденъ былъ лежать въ постели около 3 мѣсяцевъ. Лучшіе доктора не въ силахъ были помочь несчастному. Тогда дядя, какъ къ послѣднему средству, прибѣгнулъ къ о. Іоанну, позвавъ его къ себѣ отслужить молебенъ. О. Іоаннъ не преминулъ пріѣхать къ нему, отслужилъ молебенъ, окропилъ больнаго святою водою, давши частицу таковой-же ему выпить. И чудо: на второй же день, приговоренный къ смерти почувствовалъ большое облегченіе. Съ тѣхъ поръ здоровье его съ каждымъ днемъ улучшалось такъ, что въ настоящее время, не прибѣгая послѣ ни къ одному врачу, Голубовъ чувствуетъ себя совершенно здоровымъ: рука и нога, отнявшіяся у него было совершенно, дѣйствуютъ хорошо, также, какъ и до начала болѣзни.

2. У втораго священника церкви Пр. Сергія, что въ Рогожской, о. Василія Соболева, на правой рукѣ появился, вслѣдствіе неизвѣстной причины, наростъ, дѣлавшійся день ото дня болѣе и болѣе, и принявшій въ концѣ концовъ такіе размѣры, что о. В. Соболевъ не могъ совершать нѣкоторыя требы. Врачи совѣтовали ему сдѣлать операцію, на что о. Василій не согласился, а

бывши по своимъ дѣламъ въ Кронштадтѣ, зашелъ къ о. Іоанну, вѣря силамъ его молитвы. О. Іоаннъ помолился вмѣстѣ съ нимъ и коснулся руки о. Василія и, какъ говоритъ самъ о. Соболевъ: „я сразу замѣтилъ уменьшеніе опухоли". Когда-же возвратился онъ въ Москву—нароста на рукѣ какъ будто и не бывало.

Этотъ случай можетъ подтвердить всѣмъ желающимъ самъ лично о. В. Соболевъ. (Рогожская, церк. Пр. Сергія). *Д. Ф. Голубовъ.*

Выше нами приведенъ случай заочной помощи, совершившійся по молитвѣ о. Іоанна.

По словамъ автора статьи „О. Іоаннъ кронштадтскій", помѣщенной въ газетѣ „День" за 1890 годъ, случай этотъ далеко не единственный.—Такъ, въ 1889 г. получилъ подобное исцѣленіе нѣкто Александръ П—въ, живущій на Васильевскомъ островѣ, въ Петербургѣ, по Среднему пр., д. № 24. Прошло уже три года, какъ П—въ, приговоренный врачами къ смерти, не встававшій три мѣсяца съ постели, живъ и вполнѣ здоровъ.—Еще подобный же случай:

Въ одномъ зажиточномъ купеческомъ семействѣ г. Одессы появился тифъ. Прилипчивость этой болѣзни знаетъ каждый изъ нашихъ читателей. Сначала въ этомъ семействѣ захворали тифомъ всѣ дѣти. Мать ихъ, любившая своихъ дѣтей до обожанія, не смотря ни на какіе протесты своего мужа,—отца заболѣвшихъ дѣтей, настаивавшаго на изолированіи своихъ больныхъ дѣтей отъ другихъ здоровыхъ и объ отправкѣ ихъ въ больницу, не допустила этого и стала сама ухаживать за

больными дѣтьми. Но вскорѣ и она заразилась этою болѣзнію и слегла.

Приглашены были знаменитости и свѣтила медицины Одессы.

Искусство врачей спасло дѣтей, и они всѣ выздоровѣли, болѣзнь-же чадолюбивой матери не поддавалась никакому лѣченію. Испробованы были всѣ средства облегчить страданіе больной и все оказалось тщетнымъ. Наконецъ, мужемъ больной у постели ея былъ собранъ консиліумъ врачей Одессы. Осмотрѣвъ больную, врачи всѣ единогласно сознались въ своемъ безсиліи. Они сказали убитому горемъ мужу, что на выздоровленіе больной его жены нѣтъ никакой надежды, чтобы онъ позаботился пригласить священника и приготовить больную къ иной жизни.

Но несчастный мужъ не потерялъ своего мужества и питалъ все еще надежду на выздоровленіе больной своей жены.

Въ минуту приговора врачей, онъ вспомнилъ объ о. Іоаннѣ кронштадтскомъ и надежда въ его сердцѣ на выздоровленіе больной жены еще болѣе увеличилась. Немедленно же онъ послалъ къ нему въ Кронштадтъ телеграмму, при чемъ, объяснивъ положеніе своей жены, просилъ помолиться о выздоровленіи ея.

Больная заснула, и когда проснулась, то вся сіяющая отъ радости сказала, что она видѣла во снѣ отца Іоанна, котораго знала лишь по его фотографіи. Отецъ Іоаннъ подошелъ къ ней, утѣшилъ ее и, возложивъ на голову больной свои руки, благословилъ ее и сказалъ, чтобы она надѣялась на милосердіе Божіе и что она скоро поправится.

И, дѣйствительно, больная немедленно почувствовала облегченіе въ своей болѣзни и стала быстро поправляться. Она вскорѣ совершенно выздоровѣла и жива и здорова до сихъ поръ.

Какъ мужъ ея, такъ и она сама, немедленно изъ Одессы прибыли въ Кронштадтъ, чтобы поблагодарить о. Іоанна лично за его заочныя молитвы и за чудесное исцѣленіе. Но о. Іоаннъ, не принимающій никакихъ благодарностей, отклонилъ отъ себя ихъ, благословилъ пріѣзжихъ и при отъѣздѣ ихъ обратно въ Одессу сдѣлалъ имъ пастырское наставленіе *).

Всему Петербургу извѣстенъ случай съ графиней Ш—вой. У графини сдѣлался антоновъ огонь и цѣлый консиліумъ врачей призналъ смертельный исходъ единственнымъ. Графиня обратилась къ о. Іоанну, который пріѣхалъ, и молился въ сосѣдней комнатѣ. Больная получила облегченіе, и жива по настоящее время. Надо замѣтить, что на консиліумѣ участвовалъ и покойный С. П. Боткинъ, такъ что отнести найденное у графини общее зараженіе крови къ разряду нервныхъ пустяковъ никакъ нельзя.

Въ числѣ множества подобныхъ же исцѣленій, извѣстно радикальное излѣченіе *заочною* молитвою больной параличемъ мозга Г — ской въ клиникѣ душевнобольныхъ, быстрое исцѣленіе ремесленника-столяра на Калашниковской пристани, разрубившаго себѣ руку,

---

*) „Русскій Листокъ“ 1891 г. № 343.

исцѣленіе 12-лѣтней дѣвочки, дочери Ульяны Т., слѣпорожденной (на Васильевск. островѣ) и т. д. *).

Можно утвердительно сказать, что это единичные факты изъ массы однородныхъ, но и этихъ достаточно, чтобы признать молитву о. Іоанна способной совершать чудесныя исцѣленія.

Мы уже говорили выше, что многіе относятся къ дѣятельности о. Іоанна весьма недовѣрчиво. Относятся къ пастырю такъ и такія лица, которымъ бы даже и не слѣдовало къ нему такъ относиться. Они, между прочимъ, ставятъ сообщенія о пастырской дѣятельности о. Іоанна на почву пропаганды. Но — что, спрашивается, пропагандируется? Личность о. Іоанна? Но онъ, какъ извѣстно, не ищетъ ни пропаганды, ни рекламы. А если, помимо его воли, стоустная молва разноситъ сообщенія о дивныхъ плодахъ его молитвъ, то въ этомъ должно усматриваться нѣчто иное.

Отецъ Іоаннъ, повторимъ еще разъ, скромный труженикъ, пастырь, неуклонно идущій по стопамъ Первообраза пастырей, неуклонно исполняющій Его завѣтъ.

И мы должны радоваться, что милость Божія, благодаря молитвамъ о. Іоанна, не оставляетъ страждущихъ.

Да, милость Господня надъ родиной милой
Блистаетъ и нынѣ, какъ прадѣдамъ встарь,
И дивной, небесной, невидимой силой
Живитъ православья священный алтарь.

Въ заключеніе сдѣлаемъ небольшую оговорку.

---

*) Приложеніе къ газ. „День“ за 1889 годъ.

Мы видѣли десятки случаевъ, когда молитва отца Іоанна совершала даже чудеса, перерождала душу и сердце человѣка, совершала нравственный подъемъ упавшаго духа, исцѣляла тѣлесные недуги и т. д. Легкомысленно было бы думать, что всякій больной, обратившійся въ критическую минуту къ молитвѣ отца Іоанна, получалъ непремѣнно исцѣленіе. Тогда это была бы какая-то клиника, въ которую обращались бы всѣ „на случай", какъ теперь обращаются ко всякаго рода знахарямъ и шарлатанамъ.

— Поможетъ—хорошо, а не поможетъ—все равно умирать надо—доктора отказались лѣчить.

Если мы знаемъ сотни случаевъ, когда молитва о. Іоанна спасала больныхъ и помогала умирающимъ, то мы знаемъ также тысячи случаевъ, когда къ нему писали и ѣздили „на авось", но никакой помощи не получали.

Молитесь, Господь поможетъ вамъ *по вѣрѣ вашей*,— говоритъ всегда о. Іоаннъ и въ этомъ смыслѣ молится самъ.

Очевидно, если къ молитвѣ обращаются „на случай", какъ къ соломенкѣ, за которую хватается утопающій, то нечего и ждать отъ о. Іоанна какой-либо помощи, потому что онъ прежде всего человѣкъ искренно и глубоко вѣрующій, живущій по буквѣ и духу евангельскаго писанія.

Напротивъ, тѣ сравнительно немногіе, которые находили нравственное или физическое исцѣленіе у о. Іоанна, были всѣ безъ исключенія люди, или набожные, или проникшіеся въ ту минуту, когда они гово-

рили съ о. Іоанномъ, твердой и непоколебимой вѣрой въ возможность чудесной силы Божіей, ниспосылаемой по молитвѣ людей, сильныхъ вѣрою и благочестивой жизни. Правы они или нѣтъ, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ промысломъ Божіемъ или простою случайностью —оставимъ на совѣсти каждаго изъ тѣхъ, кому помогла молитва о. Іоанна кронштадскаго.

КОНЕЦЪ.

2007081214